АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС

ЛЬЮИС КЭРРОЛЛ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2015

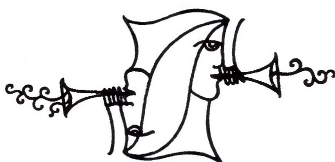

ЛЬЮИС КЭРРОЛЛ

АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС

Игорь Еремеев

Несколько замечаний по поводу «Алисы в Стране Чудес»

Санкт-Петербург
2015

ББК 83.3(4)
УДК 821.111

Льюис Кэрролл
Алиса в Стране Чудес
Игорь Еремеев
Несколько замечаний по поводу «Алисы в Стране Чудес»
СПб., 2015. — 340 с., с илл.

Сказочная повесть Льюиса Кэрролла приводится в очень точном, даже буквальном, переводе Александра Оленича-Гнененко. Такой подход является альтернативой «художественным» переводам (Н. Демуровой и пр.). Пиктографические рисунки и комментарии Игоря Еремеева подчеркивают игровой характер и математичность знакомой «Алисы».

ISBN 544690547-4

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

История создания Книги

Вначале была устная импровизация. Он говорил, Она слушала, иногда смеялась. Это обратная связь. Ему — 30, ей — 10 лет. Помимо них в лодке присутствовали Его друг и две Ее сестры. Это было во время лодочной прогулки по реке Оксфорд 4 июля 1862 года.

Второй вариант «Алисы» — рукописная книга «Приключения Алисы под Землей» («Alice`s Adventures under Ground») с иллюстрациями автора — был подарен Рыцарем Льюисом Кэрроллом Прекрасной Даме Алисе Лидделл на Рождество 1864 года. Существа, изображенные Кэрроллом, похожи на химеры, атакующие спящего (позже автор с разрешения уже взрослой Алисы перефотографирует рукописный вариант и издаст отдельной книгой).

Окончательно доработав текст, Кэрролл обращается к профессиональному художнику Джону Тенниелу — так появляются всем известные классические иллюстрации. Здесь уже нет кошмарности и гротеска. Существа Тенниела тяжеловесны и

театральны (из-под крыла дронта Додо выглядывает человеческая рука). Алиса имеет кукольные пропорции и совсем не похожа на Алису Лидделл. В таком виде книга в 1865 году увидела свет и вскоре стала безумно популярна.

В 1871 году выходит «Алиса в Зазеркалье», также с иллюстрациями Джона Тенниела. Вторая часть «Алисы» представляет собой набор блестящих этюдов, соответствующих ходам шахматной партии. Абстрактное, математичное, и в то же время по-детски наивное «Зазеркалье» прекрасно дополняет подземную «Страну Чудес». Здесь нет колоды карт, нет конфликта и суда (следовательно это не настоящий сон, а только стилизация). Кажется, что автор освободился от того, что его страстно тревожило и теперь играет как дитя. Зазеркалье» заканчивается стихотворением, первые буквы строк которого образуют любимое имя ALICE LIDDELL. Так автор прощается с ней (Алиса уже выросла, а «Зазеркалье» было вдохновлено другой маленькой подружкой Кэрролла, также Алисой) и одновременно говорит читателю: «это конец — третьей части не будет».

Хотя «Алиса» адресована юношеству (образ Старшей Сестры с Книгой, а также обращение ко взрослой Алисе во вводном стихотворении), сам Кэрролл настолько обожал маленьких девочек, что создал специально для них (прежде всего для своих многочисленных подружек, с которыми состоял в переписке) упрощенный детский вариант «Алисы».

Об Авторе

Он жил в Оксфорде в правление королевы Виктории, он был старшим сыном в многодетной семье, он носил старомодный сюртук, он был математик (его последняя книга — «Символьная логика»), он преподавал (пока «Алиса» не стала приносить стабильный доход), он страдал бессонницей, он сочинял игры и головоломки,, он был набожен (перед самой смертью он попросил кого-нибудь из сестер почитать вслух духовные гимны), он дружил с маленькими девочками, он рисовал и фотографировал (в основном тех же девочек, часто спящих, но также «охотился» с фотоаппаратом за принцами и знаменитостями), он записывал свои сны (у кровати лежали перо и бумага), он обожал Театр (он сидел всегда справа от сцены, так как был глух на правое ухо), он совершил путешествие в Россию, он любил гулять подолгу пешком, он охотился на Снарка, он немного заикался, он был щепетилен в вопросах чести, он выступал против охоты и вивисекции, он мечтал издать Шекспира для девочек (оставив красоту, убрать все грубое и кровавое), он настойчиво проводил грань между Льюисом Кэрроллом и м-ром Доджсоном, он изобрел суперобложку для книги, он вел дневник, отмечая по примеру древних римлян удачные дни белым камнем («Днем Камня» отмечен и день знакомства с Алисой Лидделл), изобретя собственную систему запоминания чисел он помнил число π до 76 знака и т. д.

Отпечаток всего этого есть в «Алисе».

Триумф «Алисы»

Образ маленькой девочки, путешествующей во сне где-то под землей (за которой через замочную скважину подглядывает взрослый) очаровал сначала XIX, а потом и XX век... Так, еще при жизни Кэрролла появились многочисленные подражания новаторскому произведению. В 1932 году, после помпезного празднования столетнего юбилея писателя, интерес к «Алисе» вспыхивает с новой силой. Все вдруг увидели, что «Алиса» (точное рассмотрение психики человека, интерес к его снам) предвосхитила психоанализ Фрейда. Сюрреалисты увидели в Кэрролле своего предшественника (иллюстрации Сальвадора Дали к «Алисе» и Макса Эрнста к «Фантасмагориям»). Позже, в 1960-е, активисты психоделической революции также признали в нем своего — портрет Льюиса Кэрролла можно видеть на обложке «Сержанта Пеппера» Битлз наряду с Эдгаром По, Алистером Кроули, Бобом Диланом и другими замечательными людьми. Если сюрреалистов привлекал в «Алисе» символизм сна (ключик, часы, веер, склянки порхают вокруг Алисы как на картине Рене Магритта), то в 60-е — скорее поиск своего подлинного «я» и тревожное изменение размеров. И тем и другим была близка тема колоды карт и абсурдного суда, то есть нонконформизм автора. Буржуазный протест против буржуазного мира:

«Что вы значите? Вы — всего лишь колода карт!»

Параллельно с этим шло сентиментальное прославление «Алисы» через открытки, конфетные коробки и прочую рекламную продукцию. Сюда же относятся компьютерные игры и обучающие программы, использующие образы и фабулу книги в своих целях (пример показал сам Кэрролл, выпустивший на тему «Алисы» игру с логическими задачами и нарядный альбом для марок).

Но XX век — век не книги и не театра, а скорее кино и телевидения! Интерес к «Алисе» выражается во множестве экранизаций. При этом создатели буквальных экранизаций следовали за классической «Алисой» с иллюстрациями Джона Тенниела, а художники-маргиналы — за той первой «Алисой под Землей» с иллюстрациями автора. Среди небуквальных воплощений «Алисы», встречаются и выдающиеся. Например, сюрреалистический ретро-фильм Яна Шванкмайера «Сон Аленки» (1988 г.), в котором подчеркнуты театральная условность текста и анархический бунт ребенка (художника) против порядка взрослых. Аленка в этой постановке похожа на Алису Лидделл, какой ее можно видеть на фотографиях Кэрролла. Иногда тема «Алисы» подается непрямо. Примером может служить великолепная «Страна Приливов» (2005 г.) Терри Гиллиама. Плюс множество цитат, призванных нажать в нашей голове кнопку «Алиса» (как, например, в «Матрице»). Последняя по времени «Алиса» — фильм Тима Бёртона с Джонни Деппом в роли Шляпочника (2010 г.) — типич-

ная готическая подача темы. Здесь, также как в мультфильме Уолта Диснея (1951 г.), смешиваются «Страна Чудес» и «Зазеркалье». Возраст Алисы благоразумно увеличен до совпадения со Старшей Сестрой (целевая аудитория фильма).

Из созданного за последнее время можно отметить красочный балет «Алиса в Стране Чудес» Ковент-Гарден на музыку Джоби Тэлбота (2011 г.). В основе постановки лежит анализ текста (показана жизнь Алисы в доме до падения в кроличью нору, не забыты Книга и Автор, Гусеница — индус в синей чалме и т. п.). Это объективное прославление «Алисы» (картинки без разговоров) на сегодняшний день является своеобразным итогом подачи темы.

Что до современных книжных изданий «Алисы», то здесь также подчеркивается или сентиментальность и ретро (для чувствительных матерей, читающим дочкам сказку на ночь), или готичность и кошмарность (для их не таких уж маленьких дочерей, влюбленных в вампиров).

Это и многое другое входит в двойственный образ «Алисы» и живет своей жизнью.

Моя история

Однажды «в июльский полдень» я ехал в троллейбусе и читал только что купленную в букинисте детскую книжку «Алиса в Стране Чудес» (в переводе Александра Оленича-Гнененко) и вдруг... БАЦ!

Я был восхищен, но и удивлен — так все это не вязалось с моим представлением об «Алисе» как о чем-то вычурном, надуманном и т. д.

Как-то (примерно спустя два года) бесцельно водя ручкой по бумаге, я увидел: «это — Кэрролл» и «натянул» линии на образы «Алисы».

Так нарисовались картинки.

А потом (примерно спустя еще два года) мне захотелось что-нибудь написать — почему бы не про «Алису»? (Это будет несколько слов в конце книжки с картинками). Я стал думать... и через некоторое время почувствовал, как земля ушла из-под ног... и провалился в нору.

Так написались «Несколько замечаний».

Текст состоит из N маленьких главок — прыжков кролика. Так как каждый шаг делается после и на основе предыдущих, а конечный пункт назначе-

ния неизвестен, то такой текст — это исследование (из следования за кроликом в нору).

Тематически текст разбит на пять частей.

Для связи «Алисы» с «Несколькими замечаниями» служат маргиналии на полях. Таким образом, «Замечания» превращаются в комментарии, которые можно читать параллельно с «Алисой».

Добро пожаловать в кроличью нору!

И. Е.

Льюис Кэрролл

АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС

Перевод с английского
Александра Оленича-Гнененко

Картинки
Игоря Еремеева

ПЕРЕВОД АЛЕКСАНДРА ОЛЕНИЧА-ГНЕНЕНКО

Александр Оленич-Гнененко (1893–1963) — поэт и детский писатель. Сейчас известен главным образом как переводчик символической поэзии Эдгара По.

Перевод «Алисы в Стране Чудес», выполненный им в 1940 г., отличают точность, даже буквальность, и простота. Что создает ощущение «английскости» текста. В отличие, скажем, от мастерского перевода Александра Щербакова текст выглядит не так гладко. Некоторые фразы похожи на кальку с английского. У такого подхода к переводу есть свои преимущества, поскольку мы всегда помним, что читаем лишь перевод английской книги. При этом сохраняется авторская интонация и даже если что-то остается неясным, мы «понимаем» это из контекста, из всего того, что знаем об Англии.

В нашем культурном пространстве данный подход является альтернативой «художественным переводам» — не пересаживая «Алису» на русскую почву, оставаясь всегда лишь копией, он позволяет догадаться о блеске оригинала.

Используя образ самой «Алисы» перевод Александра Оленича-Гнененко можно сравнить с маленькой (и незаметной) дверью в стене, ведущей из темного коридора в «самый чудесный сад, который вы когда-нибудь видели».

*В ГОРЯЧИЙ полдень золотой
Мы медленно плывем:
Две пары детских рук едва
Справляются с веслом.
И водит детская рука
Беспомощно рулем.*

*Ах, эти Трое! В час такой
Жары и летней лени —
«Ну, говори!» — они кричат,
Дрожа от нетерпенья.
Когда все Трое заодно,
Бессильны возраженья!*

Мне гневно Первая твердит:
«Ждать сказку долго ль буду?»
Вторая просит в сказке той
Игры волшебной всюду,
А Третья прерывает нас
Лишь раз в одну минуту.

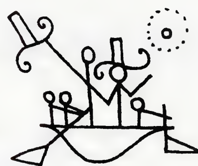
И вот нежданно — тишина,
И маленький народ
Следит, как по Стране Чудес
Дитя Мечты идет,
Как у зверей гостит оно
И с птицами поет.

Но вдруг устало я замолк
И головой поник;
Мечты волшебная игра
Оставлена на миг:
«Конец потом!» — «Сейчас «потом»!» —
Веселый слышен крик.

Так сказка о Стране Чудес
Слагалась знойным днем.
Пусть явью станет навсегда,
Что было только сном.
Горит закат, и мы плывем,
И ждет нас милый дом.

Алиса! Сказкам детских дней
И возраст детский дан.
Храни в венке воспоминаний
Чудесный их обман,
Как пилигрим хранит сухие
Цветы из дальних стран!

См. стр. 255 и 310

Глава I

ВНИЗ ПО КРОЛИЧЬЕЙ НОРЕ

Про Книгу и Старшую Сестру см. стр. 314 и 268

АЛИСА начала очень скучать: она сидела рядом с сестрой на берегу и ничего не делала. Раза два она заглянула в книгу, которую читала ее сестра, но там не было ни картинок, ни разговоров. «И что за польза от книги, — подумала она, — в которой нет разговоров или картинок?»

Про Белого Кролика см. стр. 263

Тут она стала размышлять про себя (правда, с трудом, потому что в такой жаркий день чувствовала себя сонной и глупой), стоит ли удовольствие плести венок из маргариток беспокойства идти собирать маргаритки, как вдруг совсем близко от нее пробежал Белый Кролик с розовыми глазами.

В этом не было ничего *очень* уж замечательного. Точно так же Алисе не показалось *очень* необычным, когда она услышала, как Кролик говорил сам себе:

— О горе, горе! Я опоздаю! (Позже Алиса вспоминала об этом, и ей пришло на ум, что она должна была бы удивиться, но в то время все представлялось ей совершенно естественным.)

Когда же Кролик *вынул часы из жилетного кармана*, посмотрел на них и затем помчался еще быстрее, Алиса вскочила на ноги, так как в ее голове блеснула мысль, что она никогда прежде не встречала кролика ни с жилетным карманом, ни с часами, которые можно было бы вынимать оттуда. Сгорая от любопытства, она бросилась за ним и, к счастью, вовремя, чтобы увидеть, как он внезапно нырнул в большую кроличью нору под изгородью.

Через мгновение Алиса скользнула туда вслед за Кроликом, не успев и подумать, какие силы в мире помогут ей выбраться обратно.

Про кроличью нору см. стр. 262

Кроличья нора сначала шла прямо, подобно туннелю, и затем неожиданно обрывалась вниз, так неожиданно, что Алиса, не имея ни секунды, чтобы остановиться, упала в глубокий колодец.

Или колодец был очень глубок, или она падала очень медленно — во всяком случае, у нее было достаточно времени, пока она падала, осматриваться вокруг и гадать, что произойдет дальше. Сначала Алиса попыталась заглянуть вниз, стараясь понять, куда она падает, но там было слишком темно, чтобы увидеть хоть что-нибудь.

Тогда она принялась разглядывать стены колодца и заметила, что на них были буфетные и книжные полки. Здесь и там она видела карты и картины, висящие на колышках. С одной из полок она сняла, летя вниз, банку с наклейкой: «АПЕЛЬСИННЫЙ МАРМЕЛАД», но, к ее величайшему разочарованию, банка оказалась пустой. Алиса не решилась бросить ее, боясь убить кого-нибудь внизу. И она изловчилась и поставила банку в один из буфетов, мимо которого падала.

«Ну, — подумала Алиса, — после *такого* падения для меня просто пустяки слететь с лестницы. Какой храброй будут считать меня дома! Да что там! Я не скажу ни словечка, даже если свалюсь с крыши». (Что было очень похоже на правду.)

Вниз, вниз, вниз... Кончится ли *когда-нибудь* падение?

— Интересно, сколько миль я успела пролететь за это время? — сказала она громко. — Я, наверное, нахожусь уже где-то неподалеку от центра земли. Посмотрим: это, должно быть, четыре тысячи миль вниз, я думаю. (Потому что, видите ли, Алиса узнала несколько подобных вещей на уроках в классе, и, хотя место не *слишком-то* позволяло Алисе показывать свои знания — ведь тут не было никого, кто мог ее слушать, — все же сейчас был удобный случай для повторения пройденного.) Да, это приблизительно точное расстояние. А теперь хотелось бы выяснить, какой я достигла Широты и Долготы? (Алиса не имела ни малейшего понятия о том, что такое Широта и Долгота, но она считала очень приятным произносить такие ученые слова.)

И она начала снова:

— Любопытно, не провалюсь ли я прямо *сквозь* землю? Как смешно было бы появиться среди людей, ходящих вниз головами! Мне кажется, их зовут антипатиями... (Теперь она, возможно, была даже довольна, что ее *никто* не слышит, так как последнее слово звучало не совсем правильно.) Но мне придется спросить их: как называется ваша страна? Будьте любезны, мадам! Здесь Новая Зеландия или Австралия?.. (И, говоря так, она попыталась сделать реверанс — вообразите: *реверансы* в воздухе! Не находите ли вы, что сумели бы

Обращение к читателю см. стр. 246

АНТИПАТИЯ

проделать это?) Что за невежественная маленькая девочка, подумают они обо мне! Нет, никаким образом не следует спрашивать: может быть, название страны где-нибудь написано.

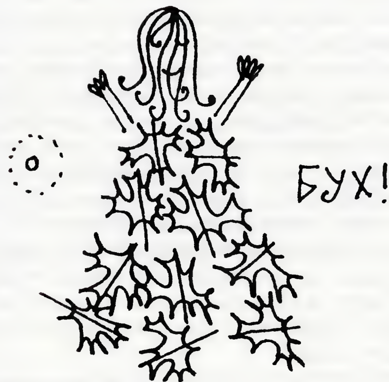
Вниз, вниз, вниз... Так как там больше нечем было заняться, то Алиса вновь принялась разговаривать сама с собой:

— Могу себе представить, как сильно Дина будет скучать без меня вечером! (Дина была кошка.) Надеюсь, вспомнят о блюдце молока для нее, когда сядут пить чай. Дина, моя дорогая, я хотела бы, чтобы ты была тут, внизу, со мной! Жаль, здесь нет мышей, но ты могла бы поймать в воздухе летучую мышь (она очень похожа на обыкновенную мышь, ты знаешь) или на стене — сороконожку. Но интересно: ест ли кошка сороконожку?

И Алиса, почти засыпая, начала повторять про себя сонным голосом:

— Ест ли кошка сороконожку? Ест ли кошка сороконожку? — И иногда: — Ест ли сороконожка кошку? (Потому что, видите ли, раз она не могла ответить ни на тот, ни на другой вопрос, ей было все равно, какой из них задавать.)

Она почувствовала, что задремала, и ей стало сниться, что она гуляет, взяв за лапку Дину, и говорит ей очень серьезно: «Теперь, Дина, скажи правду: ела ли ты когда-нибудь летучих мышей или сороконожек?..» Как вдруг неожиданно — бух! бух! — она упала на кучу валежника и сухих листьев, и падение прекратилось.

Алиса ничуть не ушиблась и в один миг вскочила на ноги. Она посмотрела вверх, но над головой было совершенно темно. Перед ней оказался другой длинный ход, и Белый Кролик, быстро мчась вдоль него, все еще виднелся вдалеке. Нельзя было терять ни секунды. Алиса понеслась вперед, словно ветер, и как раз вовремя, чтобы услышать, как Белый Кролик сказал, скрываясь за углом:

См. стр. 303

— О! мои бедные уши и усы! Как я опаздываю!

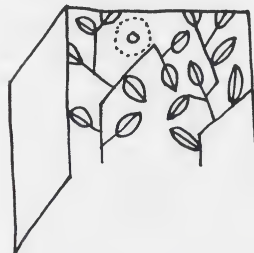
Алиса уже почти догнала его, вслед за ним повернув за угол, но Кролика больше не было видно: она находилась в длинном низком зале, освещенном рядом ламп, свисающих с потолка.

По обе стороны зала всюду были двери, но все запертые. Алиса обошла обе стены, пробуя каждую дверь, и затем печально вернулась на середину зала, спрашивая себя, каким путем и когда она выйдет отсюда.

Вдруг Алиса очутилась перед маленьким трехногим столом, целиком сделанным из толстого стекла. На столе не было ничего, кроме крошечного золотого ключика. Она тотчас решила, что ключ мог подойти к какой-нибудь из дверей зала. Увы, или замочные скважины были слишком велики, или ключ чересчур мал, но, как бы там ни было, он не отпирал ни одной двери. Однако, обходя зал во второй раз, она приблизилась к игрушечной занавеске, которой прежде не заметила. Занавеска скрывала дверцу около пятнадцати дюймов высоты. Алиса вложила золотой ключик в замочную скважину — и, к ее величайшей радости, он подошел!

Про двери в тексте см. стр.261

Алиса открыла дверь и убедилась, что та вела в маленький коридор, немного более широкий, чем крысиная нора. Она стала на колени и заглянула вдоль коридора в самый чудесный сад, который вы когда-нибудь видели. Как ей захотелось выбраться из темного зала и побродить среди этих ярких цветочных клумб и прохладных фонтанов! Но она не могла даже просунуть голову в дверь. «Если бы моя голова и прошла в нее, — подумала бедная Алиса, — было бы мало пользы без моих плеч. О, как я хотела бы складываться, как телескоп! Я полагаю, я смогла бы это сделать, если бы только знала, с чего начать».

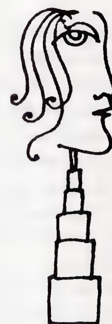
Видите ли, за последнее время с Алисой случилось столько необычайного, и она начала думать, что лишь очень немногое является действительно невозможным.

Ожидание у низенькой двери оказывалось бесполезным. Поэтому она вернулась назад, к столу, смутно надеясь, что, может быть, найдет на нем другой ключ или хотя бы книгу правил о том, как складывать людей подобно телескопам. Теперь она заметила на столе небольшую бутылку («Ее, несомненно, раньше здесь не было», — сказала себе Алиса), к горлышку которой была прикреплена полоска бумаги со словами: «ВЫПЕЙ МЕНЯ», великолепно отпечатанными крупными буквами.

Волшебные предметы см. стр. 257

Легко сказать «Выпей меня», но умная маленькая Алиса совсем не желала делать *это* слишком поспешно.

ТЕЛЕСКОП

— Нет, я посмотрю сначала, — произнесла она, — написано там «Яд» или нет, — так как она часто читала веселенькие истории о детях, сгоревших или съеденных дикими зверями, и о других неприятных вещах, случавшихся с детьми, потому что они не *хотели* вспомнить простых правил, каким их учили друзья: например, что раскаленная кочерга обожжет вас, если вы будете держать ее слишком долго, что, если вы обрежете палец ножом *очень* глубоко, из него обыкновенно идет кровь, и Алиса никогда не забывала, что, если вы слишком много выпьете из бутылки, на которой написано *«Яд»*, то почти наверное рано или поздно расстроите ваш желудок.

Однако на бутылке не было написано *«Яд»*. Поэтому Алиса отважилась попробовать ее содержимое и, найдя его очень приятным (действительно, на вкус это была смесь вишневого торта, печенья, ананаса, жареной индейки, сливочных

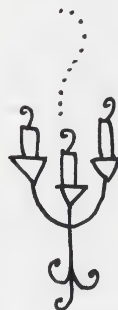
тянучек и сладкой подливки из молока и яиц), она быстро покончила с ним.

— Что за странное чувство! — воскликнула Алиса. — Как будто я складываюсь, словно телескоп!

Изменение размеров см. стр. 260

И в самом деле: она была теперь только десяти дюймов в высоту. Лицо Алисы засияло при мысли, что такой рост как раз и необходим, чтобы она могла пройти через низенькую дверь в чудесный сад. Однако сначала Алиса выждала несколько минут, проверяя, не уменьшится ли она еще. Она слегка волновалась. «Это может кончиться тем, — сказала себе Алиса, — что я совсем исчезну, как догоревшая свечка. Интересно, на что я тогда буду похожа?» И она попыталась представить себе, как выглядит пламя свечи после того, как свеча погасла. Но она не могла припомнить, чтобы когда-нибудь видела нечто подобное.

Спустя немного, убедившись, что ничего не случилось, она решила наконец войти в сад. Но горе бедной Алисе! Когда она приблизилась к двери, оказалось, что она забыла маленький золотой ключик; а когда Алиса возвратилась за ним к столу, то обнаружила, что не может достать его: она ясно видела его сквозь стекло, но, как ни пыталась вскарабкаться на стол по одной из его ножек, было слишком скользко. И, устав от безуспешных попыток добыть золотой ключик, бедная коротышка села на землю и горько заплакала.

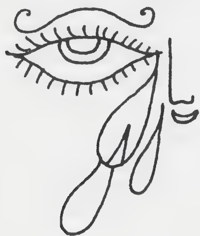

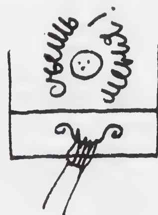
Как выглядит
пламя свечи
после того как
свеча погасла
?

— Будет хныкать так! — сказала сама себе Алиса, пожалуй, чересчур уж резко. — Я тебе советую: Перестань сию же минуту!

Она давно привыкла давать себе хорошие советы (хотя чрезвычайно редко выполняла их) и иногда бранила себя так сурово, что на ее глазах появлялись слезы. Однажды она попробовала даже надрать себе уши за то, что обманула себя в крокетной партии, которую играла сама с собой. Вообще этот странный ребенок был очень склонен изображать в одном лице двух различных людей. «Но сейчас нет никакого смысла, — подумала бедная Алиса, — изображать из себя двух лиц. Ну, я полагаю, того, что от меня теперь осталось, едва ли хватит для *одного* приличного лица!»

Вскоре ее взгляд упал на маленький стеклянный ящичек, который лежал под столом; она открыла его и нашла там очень маленький пирожок,

на котором мелким изюмом были красиво выведены слова: «СЪЕШЬ МЕНЯ».

Второй предмет см. стр. 257

— Хорошо, я съем его, — сказала Алиса. — И если он увеличит мой рост, я смогу достать ключ, а если уменьшит, я сумею тогда проползти под дверью. В обоих случаях так или иначе я попаду в сад. Не буду заботиться о том, как это произойдет!

Она проглотила кусочек. С беспокойством говоря: «Так или иначе? Так или иначе?» — Алиса, чтобы знать, делается она выше или ниже, держала руку на макушке.

Она совершенно была изумлена, что остается того же самого роста. Будьте уверены, так всегда бывает с теми, кто ест пирожок. Но Алиса уже привыкла, что с ней непременно происходит что-нибудь необыкновенное, поэтому ей показалось невыносимо скучным и глупым, что сейчас все идет по-обычному.

Тогда она принялась за работу и очень быстро прикончила пирожок.

Глава II

ОЗЕРО СЛЕЗ

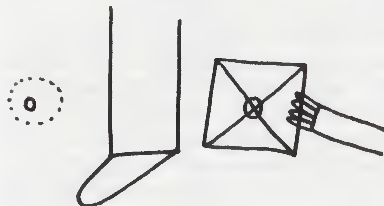
— ВСЕ страньше и страньше! — вскричала Алиса. (Она была так удивлена, что на мгновение совсем забыла, как правильно говорить по-английски.) — Теперь я удлиняюсь, как огромнейший телескоп, который когда-либо был на свете! Прощайте, ноги! (Потому что, когда она посмотрела вниз на свои ноги, они, казалось, почти исчезли — так они удалились.) О мои бедные маленькие ножки! Хотела бы я знать, дорогие, кто станет теперь надевать на вас чулки и башмаки? Я уверена, что мне это не удастся. Я сейчас слишком далеко, чтобы заботиться о вас: вы должны справляться сами как сумеете...

«Но необходимо быть доброй к ним, — подумала Алиса, — иначе, пожалуй, они не захотят пойти туда, куда мне нужно. Позвольте: каждый Новый год я буду дарить им новую пару башмаков!»

И она начала строить планы, как все это будет. «Их придется отправлять с посыльным, — думала она. — И как получится забавно: посылать подарки своим собственным ногам! И как странно будет выглядеть адрес:

См. стр. 271

Алисиной Правой Ноге, Эсквайру,
Коврик
близ Каминной Решетки
(С приветом от Алисы)».

— Ну что за чепуху я говорю!

В это мгновение она ударилась головой о потолок зала: она была уже больше девяти футов в высоту. И вот она наконец взяла золотой ключик и поспешила к двери в сад.

Бедная Алиса! Все, что она могла сделать — это, лежа на боку, смотреть одним глазом через раскрытую дверь в сад. Но пытаться проникнуть туда было еще более безнадежным, чем прежде. Она села и снова принялась громко плакать.

— Тебе должно быть стыдно! — сказала Алиса. — Такая большая девочка, как ты (она с полным правом могла повторить это!), и так вопить! Замолчи сейчас же, я тебе приказываю!

Но она продолжала плакать, проливая ведра слез, до тех пор, пока вокруг нее не образовалось большое озеро, около четырех дюймов глубины, достигшее половины зала.

Спустя некоторое время она услышала легкий топот ног в отдалении и поспешно вытерла глаза, чтобы видеть, кто это приближается. То был Белый Кролик, который возвращался назад, блестяще одетый, с парой белых лайковых перчаток в одной руке и большим веером в другой. Он мчался вдоль зала рысью, страшно торопясь и бормоча на бегу:

Белый Кролик служит Герцогине см. стр. 276

— О Герцогиня, Герцогиня! О! Она придет в неистовство, если я заставлю ее ждать!

Алиса была в таком отчаянии, что готова была просить помощи у кого угодно, поэтому, когда

Кролик поравнялся с ней, она начала тихим, робким голосом:

— Прошу вас, сэр...

Кролик сильно вздрогнул, уронил белые лайковые перчатки и веер и умчался прочь в темноту так быстро, как только мог.

Алиса подняла веер и перчатки и, потому что в зале было очень жарко, принялась обмахиваться веером, при этом говоря без остановки:

— Ну и ну! Как все сегодня странно, а вчера все шло совсем как всегда. Интересно: изменилась ли я за ночь? Позвольте мне подумать: была ли я той же самой, когда встала утром? Я как будто припоминаю, что чувствовала себя немного иной. Но если я — не я, то, спрашивается, кто же я такая вообще? Ах, это величайшая из головоломок!

И она принялась мысленно перебирать всех знакомых детей одного с ней возраста, чтобы узнать, не превратилась ли она в кого-нибудь из них.

— Я уверена, что я не Ада, — сказала она, — так как ее волосы падают такими длинными завитками, а мои совсем не завиваются. И я уверена, что не могу быть Мабэль, потому что я знаю множество вещей, а она... О! Она знает так мало! Кроме того,

она — это она, а *я* — это я. О! Как это все запутано! Посмотрим, знаю ли я все то, что знала прежде. Позвольте: четырежды пять — двенадцать, и четырежды шесть — тринадцать, и четырежды семь... О! Я никогда не дойду до двадцати этим способом! Впрочем, таблица умножения еще ничего не значит. Попробуем географию. Лондон — столица Парижа, и Париж — столица Рима, и Рим... Нет, *это* все неправильно, я уверена. Я, должно быть, все-таки превратилась в Мабэль! Я попробую прочитать наизусть: *«Там, где веселая пчела...»*

Она сложила ладони на переднике, как будто отвечая урок, и начала повторять стихи, но ее голос звучал хрипло и странно и слова получались совсем не те, какими они должны были быть:

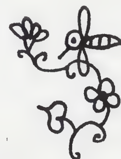
ТАМ, где лениво плещет Нил
Среди седых песков,
Веселый юный крокодил
Плывет меж тростников.

Он режет звонкую струю,
Хвостом блестящим бьет,
На золотую чешую
Дождем он воду льет.

Раскрыл, смеясь, зубастый рот
(Вы сделать так смогли б?)
И нежным голосом зовет
Туда *проворных рыб.*

О нонсенсе см. стр. 247

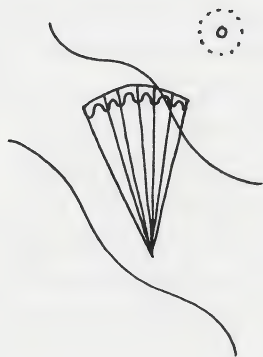

— Я уверена, что слова совсем не те! — вскричала бедная Алиса, и ее глаза снова наполнились слезами, когда она попробовала продолжать. — Безусловно я — Мабэль после всего этого. И я должна жить в ее противном доме, где такие скучные люди. И я должна учить так много уроков. Нет, я еще по-размыслю над этим! Если я Мабэль, я лучше останусь здесь. Напрасно они будут совать головы в колодец и звать: «Выйди к нам, дорогая!» Я только посмотрю вверх и спрошу: «Кто я такая теперь? Прежде всего скажите мне это». И потом, если мне понравится быть тем, кем они меня назовут, я выйду; если же нет, я останусь здесь до тех пор, пока я являюсь еще кем-то другим... Но, о горе! — закричала Алиса, обливаясь снова потоком слез» — Я сейчас хотела бы, чтобы они *действительно* сунули головы в колодец. Мне *очень* надоело быть совсем одной здесь!..

Сказав это, она посмотрела на свои руки и с удивлением увидела, что, пока говорила, она надела на одну из них маленькую белую лайковую перчатку Кролика. «Как я *могла* сделать это? — подумала она. — Я, должно быть, снова стала маленькой». Она поднялась и подошла к столу, чтобы с его помощью измерить себя, и нашла, что приблизительно она была теперь около двух футов высо-

См. стр. 260

ты и продолжала стремительно уменьшаться. Она очень скоро догадалась, что причиной всему был веер, который она держала, и поспешно бросила его как раз вовремя, чтобы не исчезнуть совсем.

— Я *едва* спаслась! — воскликнула Алиса, сильно испуганная неожиданной переменой, но очень довольная тем, что она все еще существует. — Ну, теперь в сад!

И она побежала изо всех сил обратно к низенькой двери. Но — увы! Дверца была снова заперта, и золотой ключик лежал на стеклянном столе, как прежде. «Дело даже хуже, чем прежде, — подума-

ла девочка: — я никогда раньше не была такой маленькой, как сейчас, никогда! И я заявляю, что это очень, очень плохо!».

Вдруг ее нога поскользнулась, и в следующий момент — шлеп! — Алиса очутилась по самый подбородок в соленой воде. Ее первой мыслью было, что она каким-то образом упала в море.

— Но если так, то я могу возвратиться по железной дороге, — сказала она себе. (Алиса только однажды в жизни побывала на морском побережье и пришла к заключению, что, где бы вы ни были на английском берегу, вы всюду встретите

в море множество кабинок для раздевания, а за ними детей, роющих песок деревянными лопатками, затем ряд меблированных домов и еще дальше — железнодорожную станцию.) Однако она скоро поняла, что находится в озере слез, которое наплакала, когда была девяти футов ростом.

— Жаль, что я так ревела! — сказала Алиса, плавая вдоль и поперек озера и пытаясь из него выбраться. — Теперь я должна быть наказана, утонув в своих собственных слезах! Конечно, это будет очень странная вещь. Но сегодня все странно.

Тут она услышала, будто кто-то плещется совсем недалеко от нее, и подплыла ближе, чтобы рассмотреть, что там такое. Сначала она подумала, что это, может быть, морж или гиппопотам, но затем вспомнила, как она теперь мала, и вскоре разглядела, что это только Мышь, которая, подобно ей самой, поскользнувшись, упала в озеро.

«Есть ли какой-нибудь смысл, — размышляла Алиса, — заговорить с этой Мышью? Но здесь все так необычно, и я почти убеждена, что она умеет говорить. Во всяком случае, нетрудно попробовать». И она начала:

— О мышь! Знаете ли вы выход из озера? Я очень устала, плавая в нем, о Мышь! (Алиса думала, что это самый правильный способ разговаривать с Мышью: она никогда прежде не делала ничего похожего, но вспомнила то, что читала в латинской грамматике своего брата: «Мышь—мыши—мышью—о мышь!»)

Мышь смотрела на нее несколько вопросительно и, казалось, подмигивала ей одним из своих маленьких глаз, но ничего не отвечала.

«Может быть, она не понимает по-английски, — подумала Алиса. — Я предполагаю, это французская Мышь, которая прибыла еще с Вильгельмом Завоевателем». (Так как при всех ее познаниях в истории Алиса не очень ясно представляла себе как много лет назад это случилось.) — Итак, она вновь начала по-французски:

— Уэ ма ша? (Где моя кошка?) — что было первым предложением в ее французском учебнике. *См. стр. 255*

Мышь неожиданно сделала скачок из воды и, казалось, затрепетала от ужаса.

— О, прошу прощенья! — поспешно поправилась Алиса, опечаленная тем, что оскорбила чувства бедного животного. — Я совершенно забыла, что вы не любите кошек.

— Не люблю кошек! — вскричала Мышь пронзительным, страстным голосом. — А ты любила бы кошек, если бы ты была мною?

— Ну, возможно, нет, — сказала Алиса примирительным тоном. — Не сердитесь на это! И все-таки жаль, что я не могу показать вам нашу кошку Дину: я думаю, вы полюбили бы кошек, если бы только могли ее увидеть. Она такое милое, тихое существо, — обращаясь наполовину к самой себе, продолжала Алиса, лениво плавая в озере. — И она так заботливо чистится у огня. И лижет свои лапки, и моет мордочку... И она такая нежная и

аккуратная, когда ее кормишь... И она так замечательно ловит мышей!.. О, простите меня! — воскликнула Алиса снова, так как Мышь вся ощетинилась, и она ясно почувствовала, что Мышь на этот раз окончательно разгневана. — Мы не будем больше говорить о ней, если вы этого не желаете.

— Мы не будем говорить, в самом деле! — вскричала Мышь, которая вся дрожала вплоть до кончика хвоста. — Как будто бы я хотела говорить об этом! Мы, мыши, всегда *ненавидим* кошек: омерзительные, низкие, пошлые существа! Я не хочу слышать этого слова!

— Я не буду больше, — сказала Алиса, сильно затрудняясь найти другой предмет разговора. — Любите ли... любите ли вы... собак?

Мышь не ответила, и Алиса горячо продолжала:

— Есть такая милая, замечательная собачка, совсем недалеко от нашего дома... Маленький терьер с блестящими глазами, знаете ли... с... о! такой длинной, кудрявой каштановой шерстью! И он хватает все, что вы бросаете ему, и становится на задние лапки, и просит обедать, и чего только он не умеет делать! Не могу вспомнить и половины всего. Знаете ли, он принадлежит фермеру, и хозяин говорит, что он очень полезен и стоит сто фунтов! Фермер говорит, что терьер истребляет всех крыс и... о дорогая! — вскричала Алиса огорченным тоном. — Мне очень жаль, я снова вас рассердила! — так как Мышь поплыла прочь от нее с быстротой, на какую только

была способна, по пути производя в озере настоящее волнение.

Тогда Алиса ласково позвала Мышь:

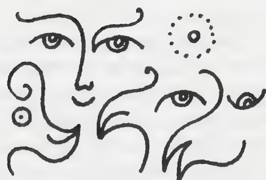
— Дорогая Мышь! Вернитесь обратно, и мы больше не будем говорить ни о кошках, ни о собаках, если они вам не нравятся.

Когда Мышь услышала это, она повернулась и медленно поплыла назад к Алисе; ее мордочка была совершенно белая («От гнева», — подумала Алиса.) Мышь произнесла глухим, дрожащим голосом:

— Выйдем на берег, и тогда я расскажу тебе свою историю, всю до конца, и ты поймешь, почему я ненавижу кошек и собак.

Было самое время выбираться из воды: озеро буквально кишело птицами и зверьками, которые упали туда. Там были Утка, и Дронт, и попугай Лори, и Орленок, и множество других странных созданий. С Алисой во главе вся компания поплыла к берегу. *См. стр. 258*

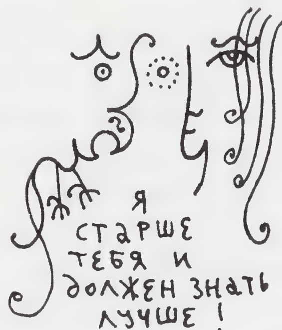

Глава III

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ СКАЧКИ И ДЛИННОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ

КОМПАНИЯ, собравшаяся на берегу, выглядела очень причудливо: птицы с крыльями, волочащимися по земле, зверьки со слипшимся мехом, и все они — насквозь мокрые, злые, недовольные.

Первый вопрос, конечно, был, как высушится; они держали совет об этом, и через несколько минут Алисе уже казалось совершенно естественным, что она запросто беседует с ними, как будто она их знала всю жизнь. В самом деле, у нее был длинный спор с Лори, который в конце концов надулся и только нашелся сказать:

— Я старше тебя и должен знать лучше!

Этим Алиса не могла удовлетвориться, не представляя, сколько же ему лет, и, так как Лори решительно отказался назвать свой возраст, на том разговор и закончился.

Наконец Мышь, которая, видимо, была среди них самой почтенной особой, возгласила:

— Садитесь и слушайте меня! Я *очень скоро* сделаю вас достаточно сухими.

Они уселись все сразу в большой круг, с Мышью посредине, Алиса не спускала с нее глаз, так как она была вполне уверена, что получит основательную простуду, если немедленно не высохнет.

— Гм! — сказала с важным видом Мышь. — Готовы ли вы? Это самая сухая вещь, которую я только знаю. Помолчите, прошу вас! Вильгельм Завоеватель, получивший благословение папы римского на завоевание Англии, был вскоре завоеван англичанами, которые нуждались в королях, а потом и совсем привыкли к захватам короны и завоеваниям. Эдвин и Моркар, графы Мерсии и Нортумбрии...

Про Оксфорд см. стр. 277

— Уф! — произнес Лори дрожа.

— Прошу прощенья! — неодобрительно взглянув на него, но очень вежливо возразила Мышь. — Вы что-то сказали?..

— Я молчу! — поспешно ответил Лори.

— Мне показалось, что вы сказали, — заметила Мышь. — Я продолжаю. Эдвин и Моркар, графы Мерсии и Нортумбрии, стали на его сторону, и

даже Стиганд, патриотический архиепископ Кентерберийский, нашел это весьма разумным...

— Нашел *что*? — спросила Утка.

— Нашел *это*! — очень сердито ответила Мышь. — Вы, конечно, знаете, что значит *«это»*?

— Я знаю достаточно хорошо, что такое «это», когда я *нахожу* что-нибудь, — сказала Утка. — Это — обыкновенно лягушка или червяк. Вопрос в том, что же именно нашел архиепископ?

Мышь не обратила внимания на ее вопрос, но торопливо продолжала:

— ...Нашел разумным отправиться вместе с Эдгаром Ателингом навстречу Вильгельму и предложить ему корону. Поведение Вильгельма сначала было скромным. Но наглость его норманнов... Как ты чувствуешь себя теперь, моя дорогая? — неожиданно обратилась она к Алисе.

— Так же сыро, как прежде, — ответила Алиса меланхолическим тоном. — Это, кажется, меня совсем не сушит.

— В таком случае, — важно произнес Дронт, вставая на ноги — я вношу предложение прервать собрание для немедленного принятия более энергичных мероприятий...

— Говорите по-английски! — сказал Орленок. — Я не понимаю значения и половины этих длинных слов, и, больше того, я не убежден, понимаете ли вы их сами.

И Орленок нагнул голову, чтобы скрыть усмешку; некоторые птицы громко захихикали.

— Я хочу сказать, — продолжал Дронт обиженно: — лучше всего, чтобы нам высушиться, были бы Избирательные Скачки.

— Что *такое* Избирательные Скачки? — спросила Алиса. Ей не очень уж хотелось это знать, но Дронт остановился, как будто ожидая, что *кто-нибудь* еще заговорит. Но никто ничего не говорил.

— Ну, — сказал Дронт, — наилучший способ объяснить — это сделать!

Так как вы, может быть, попробуете повторить когда-нибудь в зимний день подобную штуку, я хочу рассказать вам, как Дронт справился с ней.

Сначала он обозначил беговую дорожку в форме чего-то вроде круга («Точная форма не имеет значения», — сказал он), и затем вся компания была размещена там и сям вдоль дорожки. Тут не было «раз, два, три — и вперед!» Каждый начинал бежать когда хотел и останавливался тоже когда хотел. Таким образом, узнать, окончены ли скачки, было нелегко. Однако, когда компания

пробежала с полчаса или около этого и все снова стали совершенно сухими, Дронт неожиданно скомандовал:

— Скачки закончены!

И зверьки и птицы окружили его, тяжело дыша и спрашивая: «Но кто же выиграл?»

На этот вопрос Дронт не мог ответить без серьезного размышления и долго стоял, приставив палец ко лбу (поза, в которой вы обыкновенно видите Шекспира на его изображениях), в то время как остальные молча ждали. Наконец Дронт сказал:

— *Каждый* выиграл, и все должны получить призы.

— Но кто раздаст призы? — спросил хор голосов.

— Ну, *она*, конечно, — ответил Дронт, указывая на Алису.

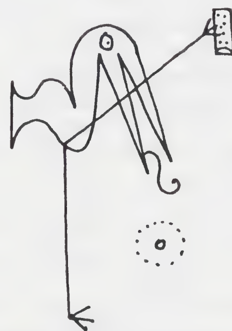
И все столпились вокруг нее, беспорядочно крича:

— Призы! Призы!

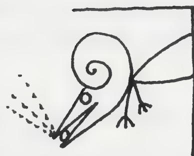
Алиса не знала, что ей делать. В отчаянии она сунула руку в карман и вынула оттуда коробку леденцов (к счастью, соленая вода не проникла в нее). Она раздала каждому как раз по одной конфете.

— Но, знаете ли, она и сама должна получить приз, — сказала Мышь.

— Конечно, — ответил Дронт очень веско. — Что еще у тебя в карманах? — продолжал он, обращаясь к Алисе.

— Только наперсток, — печально сказала Алиса.

— Дай его сюда, — потребовал Дронт.

Все опять собрались вокруг нее, и Дронт важно вручил ей наперсток со словами:

— Мы просим тебя принять этот изящный наперсток...

И, когда он закончил свою краткую речь, компания одобрительно закричала.

Алиса подумала про себя, что происходящее просто нелепо, но птицы и зверьки смотрели настолько серьезно, что она не осмелилась засмеяться. Так как она не могла придумать, что же ей сказать в ответ, то скромно поклонилась и взяла наперсток, стараясь выглядеть как можно торжественнее.

В следующую минуту все занялись леденцами. Это вызвало некоторый шум и смятение, потому что большие птицы жаловались, что своих конфет они даже «не попробовали», а маленькие птицы подавились, и их пришлось хлопать по спине. Наконец с конфетами было покончено, и все снова сели в круг и попросили Мышь рассказать еще что-нибудь.

— Вы обещали продолжить вашу историю до конца, — обратилась Алиса к Мыши, — и рассказать, почему вы ненавидите «К» и «С», — неуверенно добавила она шепотом, боясь, что Мышь снова обидится.

— Я расскажу. Но только продолжение мое очень длинное и печальное, — сказала Мышь, повернувшись к Алисе и вздыхая.

— *Это* длинное продолжение, несомненно, — заметила Алиса, глядя с удивлением вниз, на мышиный хвост. — Но почему вы называете его печальным? — И она ломала голову над этой задачей, пока Мышь говорила о себе, так что смысл всей ее истории представлялся Алисе чем-то вроде следующего:

Злая фурия Мы-
ши говорит:
«Не пищи же!
Наконец ты
попалась!
Ну, теперь
ты пропала:
Воровство
и разбой
знаю я
за тобой!
Все найду
преступленья
И тебя засужу,
потому что
без дела
Я сегодня
сижу!»
Мышь
ответила
важно,
обра-
щаясь

к терьеру:
«Без
судьи и
присяж-
ных?!
Беззаконно не
в меру!
Сэр! За-
тею пус-
тую
брось-
те! Я
проте-
стую!»
Но не-
даром
у фурий
Хит-
рость
в самой
натуре:
«Я — ко-
ронный судья
и присяж-
ные — я!
Будут так, нет
сомненья,
очень
краткими
пренья:
ты —
убийца
и вор!
Смерть —
тебе
приго-
вор!»

— Ты невнимательна! — строго сказала Алисе Мышь. — О чем ты думаешь?

— Простите, — ответила Алиса очень скромно. — Вы дошли по пятого изгиба, я полагаю.

— Ты судишь обо всем вкривь и вкось! — раздраженно вскричала Мышь. — Еще никто меня так не конфузил...

— *Узел*! — не расслышав как следует, прервала ее Алиса. Всегда готовая принести посильную пользу, она заботливо осмотрела Мышь: — О, позвольте мне помочь вам развязать его!

— Я ни в чем подобном не нуждаюсь, — сказала Мышь, вставая и уходя прочь. — Ты оскорбляешь меня, говоря такой вздор.

— Я не хотела этого! — извинилась бедная Алиса, — Вы, знаете ли, так легко обижаетесь!

Но Мышь только зарычала в ответ.

— Пожалуйста, вернитесь назад и закончите вашу историю! — звала ее вслед Алиса.

Все хором присоединились:

— Да, пожалуйста, закончите!

Однако Мышь отрицательно затрясла головой и лишь пошла немного быстрее.

— Как жаль, что ее нельзя остановить! — вздохнул Лори, когда она уже скрылась из виду.

А старый Краб воспользовался случаем, сказав дочери:

— Ах, моя дорогая! Пусть это будет для тебя уроком — всегда владей собой!

— Помолчи, Па! — ответила дочь немного резко. — Ты способен вывести из терпения даже устрицу!

— Если бы здесь была наша Дина, я знала бы, что делать! — сказала Алиса громко, не обращаясь

Про Дину см. стр. 265

ни к кому в частности. — Она быстро бы притащила ее назад!

— Кто это такая Дина, если я могу осмелиться задать вопрос? — спросил Лори.

Алиса охотно ответила — она всегда была готова говорить о своей любимице:

— Дина — наша кошка. Она так здорово ловит мышей, вы не можете, себе представить... и... о, я хотела бы, чтобы вы видели, как она гоняется за птицами! Ну, она съедает маленькую птичку в один миг.

Эта речь вызвала чрезвычайное волнение среди всей компании. Некоторые птицы немедленно пустились в бегство. Старая Сорока начала тщательно закутываться, говоря:

— Я непременно должна идти домой: ночной воздух вреден для моего горла.

Канарейка позвала своих детей дрожащим голосом:

— Идемте, мои дорогие! Сейчас очень поздно, и вы должны быть в постели.

Под разными предлогами все разбежались, и скоро Алиса осталась одна.

— Я очень жалею, что вспомнила Дину! — сказала она печально. — Никто, кажется, ее не любит здесь, внизу, и все же я уверена, что она — лучшая кошка в мире! О, моя дорогая Дина! Увижу ли я тебя еще когда-нибудь! — И бедная Алиса начала опять плакать, так как почувствовала себя очень одинокой и совсем упала духом.

Вскоре она, однако, снова услышала вдалеке слабый топот лапок и нетерпеливо стала вглядываться в темноту, все еще надеясь, что это Мышь переменила решение и возвращается, чтобы закончить свой рассказ.

Глава IV

КРОЛИК ПОСЫЛАЕТ В ДОМ МАЛЕНЬКОГО БИЛЛЯ

ЭТО был Белый Кролик. Он медленно бежал назад и внимательно осматривал все по пути, словно что-то потерял. Алиса слышала, как он бормотал про себя:

— Герцогиня! Герцогиня! О мои дорогие лапки! О моя шкурка и усы! Она прикажет меня казнить. Это так же верно, как то, что хорьки — это хорьки! Где *я мог* уронить их, не понимаю!

Алиса сразу же догадалась, что он ищет веер и пару белых лайковых перчаток, и очень добро-

сердечно стала искать их вокруг. Но их нигде не было видно — все, казалось, изменилось с того момента, когда она плавала в озере, и большой зал со стеклянным столом и маленькой дверцей бесследно исчез.

Вскоре Кролик заметил Алису, которая старательно искала потерянные им вещи, и окликнул ее сердитым голосом:

— Эй, Мэри Анна, что ты *здесь* делаешь? Немедленно беги домой и захвати мне пару перчаток и веер! Ну, быстрее!

Про Мэри Анну см. стр. 280

Алиса так испугалась, что тотчас побежала, куда указал Кролик, и не пробуя объяснить ему, что он ошибся.

— Он принял меня за свою горничную, — сказала она себе, убегая. — Как удивился бы он, если бы увидел, кто я на самом деле! Но лучше я принесу ему веер и перчатки, если, разумеется, смогу найти их.

Едва Алиса произнесла это, как очутилась вблизи чистенького маленького дома с блестящей медной дощечкой на дверях, на которой было выгравировано: «Б. КРОЛИК». Она вошла в дом, не постучав, и взбежала по лестнице, очень боясь, что встретит настоящую Мэри Анну и будет прогнана из дома, прежде чем сумеет найти веер и перчатки.

— Как странно, — сказала себе Алиса, — быть на посылках у Белого Кролика! Я полагаю, что скоро стану служить на побегушках у Дины.

И она принялась воображать, как это будет: «Мисс Алиса! Иди сейчас же сюда: мы отправляемся гулять!» — «Сию минуту, няня! Я должна посторожить мышиную норку, чтобы мышь не убежала, пока вернется Дина»... — Только я не думаю, — продолжала Алиса, — что Дину оставят в доме, если она начнет так командовать людьми, как Белый Кролик.

Между тем она вошла в аккуратную небольшую комнату со столом у окна, и на столе (как она и надеялась) лежали веер и две или три пары крошечных белых лайковых перчаток. Она только собралась покинуть комнату, как ее взгляд упал на маленькую бутылку, которая стояла возле зеркала. Теперь на ней не было бумажки со словами: «ВЫПЕЙ МЕНЯ». Но, несмотря на это, Алиса откупорила ее и поднесла к губам.

— Я знаю, всякий раз, когда я что-нибудь ем или пью, случаются интересные вещи. Итак, посмотрим, что мне даст эта бутылка. Я думаю, она снова сделает меня большой: мне очень надоело быть таким крошечным существом!

Это и произошло на самом деле и притом гораздо раньше, чем она ожидала: она не выпила и половины бутылки, как почувствовала, что ее голова коснулась потолка, и Алисе пришлось согнуть шею, чтобы не сломать ее. Она поспешно поставила бутылку на место, говоря себе:

— Этого вполне хватит! Надеюсь, что я не буду больше расти. Я и сейчас не могу выйти в дверь. Очень жаль, что я выпила так много.

Увы! Жалеть было поздно. Она продолжала расти и расти и очень скоро должна была опуститься на колени на пол; в следующую минуту этого оказалось недостаточно. Тогда она попыталась лечь, упираясь локтем одной руки в дверь и другой рукой охватив голову. Однако она все еще продолжала расти и наконец была принуждена высунуть одну руку в окно, а одну ногу протянуть вверх по каминной трубе. При этом она сказала себе:

Про Домик Белого Кролика см. стр. 264

— Что бы дальше ни случилось, я ничего уже не могу сделать! Что со мной произойдет *теперь*?

К счастью для Алисы, маленькая магическая бутылка произвела полностью свое действие, и Алиса больше не росла. Однако ей по-прежнему было тесно и неудобно, и так как казалось совершенно невозможным выйти из комнаты, нет ничего удивительного, что она почувствовала себя очень несчастной. «Гораздо спокойнее было дома, — размышляла бедная Алиса. — Там никто постоянно не рос и не уменьшался и не получал приказаний от мышей и кроликов! Я почти жалею, что отправилась вниз по кроличьей норе, — и все же какой это изумительный образ жизни! Я хотела бы знать, что *могло* приключиться со мной? Читая волшебные сказки, я воображала, что все там выдумано, а теперь я сама — главное лицо одной из них! Обо мне нужно было бы написать книгу...

право, нужно было бы. Когда я вырасту, я непременно напишу ее. Но я уже выросла большая, — добавила она печально. — По крайней мере, *здесь* нет места, чтобы мне расти еще больше».

«Но, в таком случае, — подумала Алиса, — неужели я *никогда* не сделаюсь старше, чем теперь? Это было бы, с одной стороны, хорошо — никогда не стать старухой, но с другой — постоянно учить уроки! Ах, мне совсем не нравится *это*!»

«О, глупая Алиса! — возразила она себе. — Разве можно здесь учить уроки? Тут с трудом хватает места для *тебя* и совсем нет места для учебников!»

И она продолжала так размышлять, касаясь то одной стороны вопроса, то другой и основательно рассматривая его в целом. Но спустя несколько минут снаружи раздался чей-то голос, и она прислушалась.

— Мэри Анна! Мэри Анна! — звал голос. — Подай мне сейчас же мои перчатки!

Затем на лестнице послышался легкий топот лапок. Алиса знала: это бежит Кролик посмотреть, что она там делает, и задрожала так сильно, что пошатнула дом. Алиса совсем забыла, что она теперь в тысячу раз больше, чем Кролик, и нет никаких оснований его бояться.

Кролик тем временем был уже у двери и попытался открыть ее. Но так как она отворялась внутрь и локоть Алисы был плотно прижат к двери, то его попытка потерпела неудачу. Алиса услышала, как он пробормотал про себя:

— Тогда я обойду кругом и влезу в окно!

«*Этого* ты не сделаешь!» — подумала Алиса и, подождав до тех пор, пока ей показалось, что она слышит шаги Кролика под самым окном, неожиданно протянула руку и схватила воздух. Алиса никого не поймала, но услышала слабый крик, шум падения и звон разлетевшегося в куски стекла. Она решила, что, очень вероятно, Кролик упал на парниковую раму или на что-нибудь в этом роде.

Вслед за тем послышался сердитый голос Кролика:

— Пат! Пат! Где ты?

В ответ раздался голос, которого она до сих пор не слышала:

— Будьте уверены, я здесь! Окапываю яблони, ваша честь!

— «Окапываю яблони», в самом деле! — сказал раздраженно Кролик. — Иди сюда и помоги мне выбраться из этого! (Звон еще большего числа разбившихся стекол.) Теперь скажи мне, Пат, что там, в окне?

— Вот те на! Это рука, ваша честь! (Он произнес: «р-р-ука».)

— «Рука»! Ах ты, гусь! Кто же видел когда-нибудь руку такой величины? Ведь она все окно заполняет.

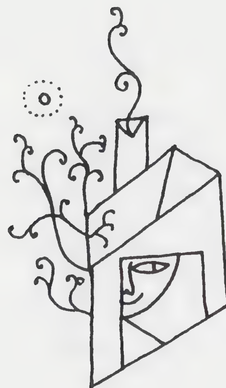
— Верно, заполняет, ваша честь, и все-таки это рука.

— Ну, ей, во всяком случае, нечего там делать: отправляйся и убери ее прочь!

После этого наступило продолжительное молчание, и Алиса время от времени, только и могла

расслышать шепот вроде следующего: «Будьте уверены, не нравится мне эта история, ваша честь, совсем не нравится!» — «Делай, что я тебе приказываю, трус!» В конце концов она снова протянула руку и снова схватила лишь воздух. Теперь было слышно уже два слабых вскрика и еще сильнее, чем в первый раз, зазвенели бьющиеся стекла. Сколько же должно быть здесь парниковых рам! — подумала Алиса. — Интересно, что *они* теперь будут делать! Что касается их намерения вытащить меня из окна, я только того и хотела бы! Я-то уж во всяком случае не желаю оставаться здесь дольше!»

Она подождала некоторое время, но больше ничего не было слышно. Наконец раздался стук колес маленькой тележки и звук довольно многочисленных голосов, говорящих одновременно. Она уловила отдельные слова: «Где другая лестница?» — «Я-то принес только одну! Другая у Билля». — «Билль! Тащи ее сюда парень!» — «Сюда! Приставьте их к этому углу!» — «Нет, сначала свяжите их вместе — они едва могут дойти до половины стены». — «О, достаточно и так. Не нужно особенно стараться». — «Сюда, Билль. Хватай веревку!» — «Выдержит ли крыша?» — «Помните, что одна черепица шатается!» — «О, она летит вниз! Прячьте головы!» (Громкий треск.) — «А ну, кто это сделал?» — «Это Билль, я думаю». — «Кто спустится вниз по дымоходу?» — «Ну, только не я! Вы спуститесь!» — «*Это* мне тоже не очень нравится! Я не полезу туда! Билль должен спуститься

по трубе!» — «Эй, Билль! Хозяин говорит, чтобы ты лез в трубу!»

— О! Значит, это Билль должен лезть в трубу, — сказала себе Алиса. — Ну, они, кажется, всё решительно валят на Билля! Я ни за что не хотела бы быть на месте Билля: камин очень узок, это верно. Но, *думается*, я все же могу дать небольшой пинок Биллю!

Алиса оттянула ногу как только могла далеко вниз, по трубе, и стала ждать, пока не услышала, как маленькое животное (она не могла сообразить, что именно это было) скребется и карабкается совсем близко над ней в дымоходе. Затем со словами: «Это Билль», она дала быстрый пинок и стала ждать, что случится дальше.

Первое, что она услышала, был общий хор: «Вот летит Билль!» Потом голос одного Кролика: «Держите его, вы, что у изгороди!» Последовало молчание, и затем снова взрыв голосов: «Подымите ему голову!» — «Теперь бренди». — «Не трясите его». — «Как ты чувствуешь себя, старина? Что с тобой случилось? Расскажи нам подробно об этом!»

Наконец раздался слабый пискливый голосок («Это Билль», — решила Алиса): «Я и сам хорошенько не знаю... Больше не надо, благодарю вас... Мне лучше теперь... Но я слишком взволнован, чтобы рассказать вам... Что-то вроде пружинного чертика выскочило передо мной, и я взвился в небо, как ракета! Вот все, что я знаю». — «Именно так: ты полетел, старина!» — послышались много-

численные восклицания. «Мы должны сжечь дом дотла», — произнес голос Кролика.

Тогда Алиса крикнула изо всей силы:

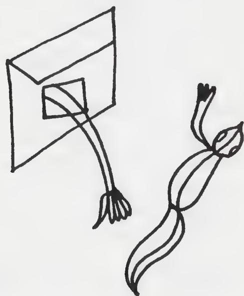
— Если вы сделаете это, я выпущу на вас Дину!

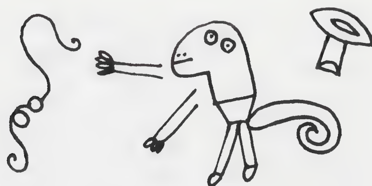
Вслед за тем неожиданно наступило мертвое молчание, и Алиса подумала про себя: «Любопытно, что они хотят делать *дальше*? Если у них сохранилась хоть капля рассудка, они разберут крышу». Через минуту или две движение вокруг дома снова возобновилось, и Алиса услышала, как Кролик сказал:

— Для начала хватит одной полной тачки!

«Тачки *чего*?» — подумала Алиса. Но она недолго находилась в недоумении: в ту же секунду град маленьких камешков застучал в окно и некоторые из них попали ей в лицо.

«Я должна прекратить это», — сказала она себе и крикнула:

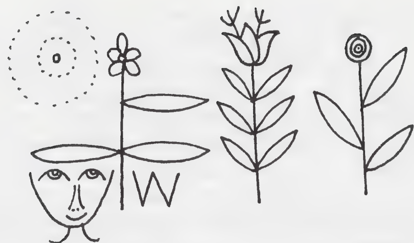

— Лучше перестаньте! — что снова вызвало мертвую тишину.

Алиса с некоторым изумлением заметила, что все камешки, как только они падали на пол, превращались в маленькие пирожки, и ей пришла блестящая мысль. «Если я съем один из этих пирожков, — подумала она, — наверно, произойдет *некоторое* изменение в моем росте, и так как невозможно меня сделать больше то он должен меня сделать меньше, я полагаю».

Тут она проглотила один из пирожков и с радостью заметила, что немедленно начала уменьшаться. Как только она стала достаточно маленькой, чтобы пройти в дверь, она выбежала из дома и увидела целую толпу зверьков и птиц, ожидающих снаружи. Бедная маленькая Ящерица-Билль был в середине. Его поддерживали две морские свинки, которые время от времени поили его чем-то из бутылки. Все они бросились к Алисе, лишь только она появилась. Но она побежала со всей быстротой, на какую только была способна, и скоро оказалась в безопасности в густом лесу.

— Первое, что я должна сделать, — говорила себе Алиса, бродя по лесу, — это достигнуть своего обычного роста, и второе — найти дорогу в чудесный сад. Вот самый лучший план, я думаю!

Это был, несомненно, превосходный план, очень ясно и просто составленный. Была только одна трудность: Алиса не имела ни малейшего представления, как его выполнить.

Когда она боязливо вглядывалась в лесную чащу, слабый отрывистый лай над самой головой заставил ее поспешно посмотреть вверх. На нее сверху вниз глядел большими круглыми глазами огромный щенок и беспомощно протягивал то одну, то другую лапу, стараясь коснуться ее.

— Бедняжка! — сказала Алиса льстивым голосом и даже попробовала посвистать ему. Но в то же время она ужасно испугалась при мысли, что, может быть, он голоден и, чего доброго, съест ее, несмотря на всю ее лесть.

Не думая о том, что она делает, Алиса сломала ветку и протянула ее щенку.

Тут щенок прыгнул в воздух сразу всеми четырьмя лапами, бросился к ветке, радостно завизжав, и даже сделал вид, что терзает ее. Алиса, чтобы не быть опрокинутой, спряталась от него за высокий куст чертополоха. Едва она выглянула из-за куста с другой стороны, как щенок снова набросился на ветку и второпях, пытаясь ее схватить, перекувыркнулся через голову. Алиса, подумав, что это похоже на игру с ломовой лошадью, и боясь каждую секунду, что будет растоптана щенком, снова обежала вокруг чертополоха. Тогда щенок произвел ряд быстрых атак на ветку, каждый раз немного выскакивая вперед и очень далеко отбегая назад. При этом он хрипло лаял. Наконец он уселся на довольно значительном расстоянии от Алисы, тяжело дыша, с высунутым языком и полузакрытыми большими глазами.

Момент показался Алисе удобным для бегства. Она помчалась со всех ног и бежала до тех пор, пока окончательно не выбилась из сил и не задохнулась и пока лай щенка постепенно не затих в отдалении.

— И, однако, какой это был милый щенок! — сказала Алиса, прислоняясь к лютику, чтобы отдохнуть, и обмахиваясь одним из его листьев. — Мне очень хотелось бы научить его разным фокусам, если бы... если бы только я была подходящего роста для этого! О! Я почти совсем забыла, что мне надо

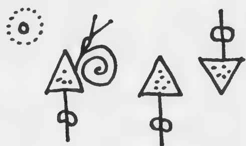
снова вырасти. Подумаем, *как* это можно сделать? Я полагаю, что мне нужно съесть или выпить что-нибудь. Но вот трудный вопрос — что же именно?

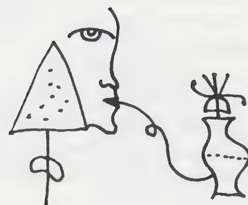
Действительно, это было серьезным вопросом — что именно? Алиса обвела глазами цветы и траву вокруг, но не могла найти ничего, что можно было бы съесть или выпить.

Поблизости поднимался огромный мухомор, почти такой же высоты как она сама. Когда она осмотрела его снизу и с боков, ей пришло в голову, что нелишним будет заглянуть и на его верхушку.

Алиса встала на цыпочки и внимательно оглядела шляпку мухомора. В ту же минуту она увидела большую голубую Гусеницу, которая сидела со скрещенными руками на верхушке гриба и спокойно сосала длинный чубук кальяна, не обращая ни малейшего внимания на нее и вообще ни на что другое.

Про Гусеницу см. стр. 266

Глава V

СОВЕТ ГУСЕНИЦЫ

ГУСЕНИЦА и Алиса некоторое время молча смотрели друг на друга. Наконец Гусеница вынула изо рта чубук кальяна и обратилась к ней вялым, сонным голосом.

— Кто *ты* такая? — сказала Гусеница.

Это едва ли было ободряющим началом для разговора. Алиса ответила с некоторой робостью:

— Именно, в настоящий момент я... я и сама не знаю, сэр... Самое большее, я знаю только, кем я *была*, когда встала сегодня утром, но я думаю, что с тех пор мне пришлось не раз измениться.

— Что ты имеешь в виду? — строго сказала Гусеница. — Объясни свои слова!

— Мне очень жаль, но я не могу объяснить своих слов, сэр, — ответила Алиса, — потому что я сама не своя, видите ли!

— Не вижу, — сказала Гусеница.

— К сожалению, я не могу выразить это более ясно, — ответила Алиса очень вежливо, — так как прежде всего я сама не могу этого понять. Менять свой рост так часто в течение одного дня чрезвычайно неудобно!

— Неправда! — сказала Гусеница.

— Ну, может быть, вы пока еще не находите этого, — возразила Алиса, — но когда вы превратитесь в куколку — что, знаете ли, рано или поздно должно произойти, — а потом в бабочку, я смею думать, у вас немного закружится голова, не так ли?

— Ничуть! — сказала Гусеница.

— Ну, возможно, ваши ощущения будут другими, — возразила Алиса. — Я знаю, что *у меня*, несомненно, закружилась бы голова.

— У тебя! — воскликнула с презрением Гусеница. — Кто такая *ты*?

Это опять вернуло их к началу разговора.

Алиса была несколько раздражена Гусеницей, делавшей такие *слишком* уж короткие замечания. Она выпрямилась и сказала очень веско:

— Я думаю, что прежде вы сами должны ответить мне, кто *вы*?

— Почему? — сказала Гусеница.

Это был новый обескураживающий вопрос, и, так как Алиса не могла придумать никакого подходящего объяснения, а Гусеница, казалось, нахо-

дилась в *очень* плохом настроении, Алиса повернулась, чтобы уйти прочь.

— Вернись! — позвала ее Гусеница. — Мне нужно сказать тебе что-то важное.

Это, конечно, звучало многообещающе, и Алиса вернулась к мухомору.

— Успокойся! — сказала Гусеница.

— Это все? — спросила Алиса, сдерживая, насколько могла, свой гнев.

— Нет! — ответила Гусеница.

Алиса подумала, что смело может подождать, хотя бы потому, что ей больше нечего было делать и что, возможно, после всего этого Гусеница все же скажет ей что-нибудь достойное внимания.

Несколько минут Гусеница пускала дым, не говоря ни слова. Наконец она разжала руки, вновь вынула изо рта чубук кальяна и спросила:

— Итак, ты думаешь, что ты изменилась, верно?

— К несчастью, это так, — сказала Алиса. — Я не могу вспомнить самых простых вещей... и я не могу сохранить один и тот же рост на протяжении десяти минут!

— Не можешь вспомнить *чего*? — спросила Гусеница.

— Ну, я пробовала рассказать *«Там, где веселая пчела...»*, но у меня получилось все наоборот! — ответила Алиса очень печально.

— Прочти наизусть: *«Ты стар, отец Вильям!»* — приказала Гусеница.

Алиса скрестила руки и начала:

— ПАПА ВИЛЬЯМ, — спросил молодой человек, —
Уж давно ты и стар и сед —
Ты, однако, весь день ходишь на голове:
То полезно ль на склоне лет?

— Долго я привыкал, но узнал я зато,
Что мой череп — совсем не воск:
В нем и мозга ведь нет, и никто и ничто
Повредить мне не может мозг.

Вновь юнец пристает к старику не шутя:
— Ты беззубее карася.
Как с костями и клювом убрал ты в гостях
Основательного гуся?

— Был я молод в те дни, стать хотел я судьей
И суды посещал всегда.
Обсуждая решенья с своею женой,
Челюсть я закалил тогда.

— Что за фокус, — сын третий вопрос задает:
Хоть ужасно ты толст теперь,
Через голову прыгнув спиною вперед,
Ты легко вылетаешь в дверь?

И тряхнул головой мудрый старец, смеясь:
— Ловок так я не по годам,
Потому что в суставы втирал эту мазь:
Если хочешь, на грош продам!

— Папа Вильям! Про тонкий твой ум говоря,
Удивляется весь наш дом,
Как на кончике носа ты держишь угря
И танцуешь еще притом.

На четвертый вопрос не ответил отец:
— Сын! Недаром ты хил и щупл:
Вредно много болтать. Замолчи наконец,
Или с лестницы вниз спущу!

— Неправильно, — сказала Гусеница.

— *Не совсем* правильно, к сожалению, — призналась Алиса робко: — некоторые слова изменились.

— Неправильно с начала и до конца! — заявила Гусеница решительно, и на несколько минут наступило молчание.

Гусеница заговорила первой.

— Какого роста ты хочешь быть? — спросила она.

— О, я не слишком требовательна, — ответила поспешно Алиса. — Только не очень приятно так часто меняться, знаете ли!

— Не знаю! — сказала Гусеница.

Алиса ничего не ответила: за всю ее жизнь ей никогда так много не противоречили, и она чувствовала, что начинает выходить из себя.

— Сейчас ты довольна? — спросила Гусеница.

— Ну, мне было бы приятнее стать *немного* больше, если вы не возражаете, — сказала Алиса. — Три дюйма — это такой ничтожный рост!

— Это безусловно очень хороший рост! — возразила Гусеница, сердито поднимаясь в свою полную вышину (она была как раз трех дюймов роста).

— Но я не привыкла к нему! — оправдывалась Алиса умоляющим тоном и подумала про себя: «Хотелось бы, чтобы все эти создания не были так обидчивы!»

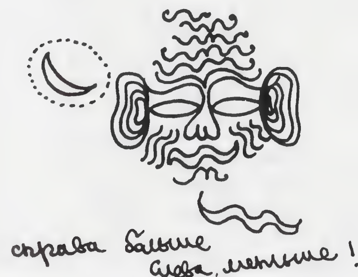
— Со временем привыкнешь! — сказала Гусеница и, взяв в рот чубук, снова принялась курить.

На этот раз Алиса терпеливо ждала, пока Гусеница заговорит опять. Через минуту Гусеница вынула чубук изо рта, зевнула раза два и встряхнулась. Потом спустилась с мухомора и поползла в траву, только бросив на ходу замечание:

— Одна сторона сделает тебя выше, а другая сторона сделает тебя ниже!

«Одна сторона *чего*? Другая сторона *чего*?» — подумала Алиса.

— Мухомора! — сказала Гусеница, как будто Алиса задала вопрос вслух, и в следующий миг Гусеница исчезла.

Алиса с минуту оставалась неподвижной, в раздумье глядя на гриб и пытаясь определить, где были две его стороны, и, так как он был совершенно круглый, она решила, что это очень трудная задача. Тем не менее в конце концов она схватила его руками, протянув их так далеко, как только смогла, и отломила каждой рукой по куску от шляпки мухомора.

— А теперь: какой — какой? — сказала она себе и, желая испытать его действие, немножко надгрызла кусок, который держала в правой руке.

Тотчас же она ощутила ужасный удар в подбородок: он стукнулся об ее ногу!

Она была чрезвычайно испугана этой неожиданной переменой, но чувствовала, что нельзя терять ни одного мгновения, так как она быстро уменьшалась. Поэтому Алиса немедленно принялась грызть другой кусок. Ее подбородок был так тесно прижат к ноге, что оставалось очень мало места, чтобы открыть рот. Однако она все же ухитрилась сделать это и проглотила крошку от куска в левой руке.

* * *

— НУ, ВОТ моя голова свободна! — воскликнула Алиса в восхищении, которое в следующий момент сменилось тревогой, когда она убедилась, что не может найти своих плеч.

Все, что она видела, глядя вниз, была только необычайно длинная шея, которая, казалось, поднималась, как ствол над морем зеленой листвы, расстилавшейся далеко внизу.

— Чем *может* быть эта зелень? — сказала Алиса. — И куда *девались* мои плечи? И, о, мои бедные руки, как случилось, что я нигде вас не вижу?

Разговаривая, она двигала ими вокруг, но единственным последствием было чуть заметное колыхание далекой зеленой листвы.

Так как, по-видимому, у нее не было никакой возможности приблизить руки к голове, то она попробовала приблизить голову к рукам и была

очень обрадована, найдя, что ее шея легко изгибается во всех направлениях, как змея. Едва Алисе удалось изогнуть шею изящным зигзагом, и она уже готовилась нырнуть в море листвы (Алиса заметила, что это были всего лишь верхушки деревьев, под которыми она только что бродила), как вдруг, резкий свист заставил ее откинуться назад: большой Голубь подлетел к самому ее лицу, нанося жестокие удары крыльями.

— Змея! — пищал Голубь.

— Я — *не* змея! — негодующе воскликнула Алиса. — Оставьте меня!

— Змея, я повторяю! — снова запищал Голубь, но уже более мирно, и добавил с чем-то похожим на рыдание: — Я испробовал все, и, кажется, ничего невозможно поделать!

— Я не имею ни малейшего представления, о чем вы говорите, — сказала Алиса.

— Я испробовал корни деревьев, и берега, и изгороди, — продолжал Голубь, не слушая ее, — но эти змеи! От них никуда не денешься!

Алиса недоумевала все больше и больше, но подумала, что нет никакого смысла что-нибудь говорить, пока Голубь не кончит.

— Как будто мало хлопот высиживать яйца, — сказал Голубь, — так из-за змей я еще должен быть настороже днем и ночью! Три недели я ни на секунду не могу сомкнуть глаз.

— Мне очень жаль, что вам не дают покоя, — сказала Алиса, начиная понимать, что он имеет в виду.

— И вот, как только я выбрал самое высокое дерево в лесу... — продолжал Голубь, поднимая голос до крика, — и вот только я подумал, что наконец избавился от них, они находят нужным, извиваясь, валиться с неба! Уф! Змея!

— Но я — *не* змея, говорю вам, — сказала Алиса. — Я... я...

— Хорошо! *Кто* же ты вообще? — спросил Голубь. — Я вижу, ты что-то стараешься выдумать.

— Я... я маленькая девочка, — сказала Алиса с некоторым сомнением, так как вспомнила все превращения, которые она пережила в течение этого дня.

— Милая история, в самом деле! — произнес Голубь тоном глубочайшего презрения. — Я за свою жизнь достаточно видел маленьких девочек, но ни *одной* с такой шеей, как эта! Нет-нет! Ты — змея! Отрицать бесполезно. Я полагаю, что ты еще будешь меня убеждать, что не пробовала ни одного яйца!

— Я *пробовала* яйца, конечно, — ответила Алиса, которая была очень правдивым ребенком. — Но, видите ли, маленькие девочки едят почти так же много яиц, как змеи!

— Не верю, — возразил Голубь. — Ну, а если они это делают, тогда маленькие девочки — только другая порода змей. Вот и все, что я могу сказать!

Подобная мысль была для Алисы настолько новой, что она молчала минуту или две, и это дало Голубю возможность добавить:

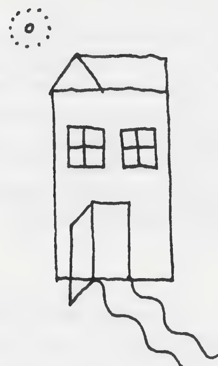
— Ты ищешь яйца — вот что я хорошо знаю. И какое значение имеет для меня, маленькая девочка ты или змея?

— Имеет очень большое значение для *меня*! — поспешно возразила Алиса. — Я не ищу яиц, как вам кажется, а если бы искала, мне *эти* не нужны: я не люблю сырых яиц!

— Ну, и проваливай тогда! — воскликнул Голубь сердито, снова садясь в гнездо.

Алиса стала пробираться среди деревьев, пригибаясь как можно ниже, так как ее шея запутывалась в ветвях. Алиса то и дело останавливалась и распутывала ее. Вскоре она вспомнила, что все еще держит в руках куски мухомора, и с большой осторожностью принялась за работу, надкусывая то один, то другой и делаясь то выше, то ниже, до тех пор, пока ей не удалось довести себя до своей обычной вышины.

Это продолжалось так долго, что когда она добилась чего-то вроде своего настоящего роста, то сначала почувствовала себя немного странно. Но она в несколько минут привыкла к этому и, как всегда, начала разговаривать сама с собой:

— Ну вот, половина моего плана теперь уже выполнена! Как нелепы все эти превращения! Я совсем не уверена, кем я стану в следующую секунду. Однако я достигла моего настоящего роста. Теперь прежде всего мне надо войти в прекрасный сад, но только *как* — хотела бы я знать!

Сказав это, она внезапно очутилась на открытой поляне, на которой стоял маленький дом, около четырех футов высотой.

«Кто бы здесь ни жил, — подумала Алиса, — невозможно явиться к ним, будучи *такого* роста: ну, они сошли бы с ума».

И она снова начала грызть кусок, который держала в правой руке, и до тех пор не делала попыток подойти ближе к дому, пока не уменьшилась до девяти дюймов.

Глава VI

ПОРОСЕНОК И ПЕРЕЦ

МИНУТУ или две она стояла, глядя на дом и недоумевая, что делать дальше. Вдруг неожиданно из леса показался бегущий лакей в ливрее (она решила, что это лакей, потому что он был в ливрее; иначе, судя только по его лицу, она назвала бы его рыбой) и громко постучал в дверь дома костяшками пальцев. Ее открыл другой лакей, в ливрее, с круглым лицом и большими глазами, словно у лягушки. У обоих лакеев, как заметила Алиса, напудренные волосы были в сплошных завитках. Ей очень хотелось узнать, что все это значит, и она, выйдя из лесу, подкралась немного ближе, чтобы лучше слышать.

Лакей-Рыба принялся вытаскивать из подмышки огромное письмо почти такой же величины, как он сам, и потом вручил его другому, сказав торжественно:

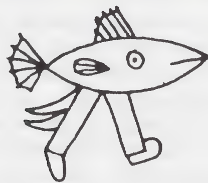
— Герцогине! Приглашение от Королевы на партию в крокет.

Лакей-Лягушка, только немного изменив порядок слов, повторил тем же торжественным тоном:

— От Королевы! Приглашение Герцогине на партию в крокет.

Затем они оба поклонились друг другу, и завитки их перепутались.

Алиса так сильно смеялась над всем этим, что должна была убежать назад в лес из страха, что они ее услышат. Когда она снова выглянула, Лакей-Рыба ушел, а другой сидел на земле у дверей, глупо уставясь в небо.

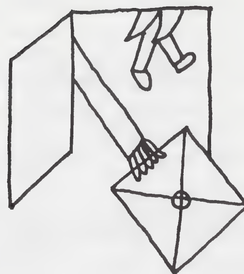

Алиса робко подошла к двери и постучала.

— Бесполезно стучать, — сказал Лакей, — и по двум причинам: во-первых, потому, что я нахожусь по эту сторону двери, там же, где и ты, и, во-вторых, потому, что они внутри дома так шумят, что никто не может тебя услышать.

И действительно, из дома доносился невероятный шум — непрерывное завывание, чихание и время от времени страшный грохот, как будто блюдо или горшок разлетались вдребезги.

— Будьте любезны, скажите, — спросила Алиса, — как в таком случае мне войти?

— Еще мог бы быть некоторый смысл стучать, — продолжал Лакей, не обращая на нее внимания, если бы дверь была между нами. Например, если бы ты находилась *внутри*. Ты могла бы постучать, и я мог бы тебя выпустить, знаешь ли...

Разговаривая, он по-прежнему все время смотрел в небо, и Алиса подумала, что это совсем невежливо. «Но, кажется, он не может иначе, — сказала она себе: — его глаза находятся *почти* на самой макушке. Однако он мог бы отвечать на вопросы».

— Как мне войти? — громко повторила она.

— Я буду сидеть здесь, — заметил Лакей, — до завтра...

Тут на мгновение дверь распахнулась, и большая тарелка, брошенная изнутри дома, полетела в голову Лакея; она задела его по носу и разбилась в куски, ударившись о дерево позади Лакея.

— ...или, возможно, до послезавтра, — продолжал Лакей тем же тоном, как будто ровно ничего не случилось.

— Как я могу войти? — спросила Алиса еще громче.

— *Пустят* ли тебя туда вообще, — сказал Лакей, — вот, знаешь ли, первый вопрос.

Это, несомненно, было так. Но Алисе не понравилось, что с ней разговаривают подобным образом. «Вот уж правда, — пробормотала она про себя, — у этих созданий ужасная привычка вечно противоречить. Вполне достаточно, чтобы любого свести с ума!»

Казалось, Лакей счел этот момент удобным, чтобы повторить свое замечание с некоторыми изменениями.

— Я буду сидеть здесь, — сказал он, — и сейчас и потом, дни за днями...

— Но *что* буду делать я? — спросила Алиса.

— Все, что тебе угодно, — ответил Лакей и начал свистеть.

— О, нет никакого смысла с ним разговаривать! — безнадежно сказала Алиса. — Он совершенный идиот! — И она открыла дверь и вошла в дом.

См. стр. 261

См. стр. 248

Дверь вела в большую кухню, доверху наполненную дымом. Посредине нее на трехногом табурете сидела Герцогиня и нянчила грудного ребенка. Наклонившись над очагом, Кухарка помешивала в котле, который, по-видимому, был полон супа.

— Безусловно, в этом супе слишком много перца, — сказала себе Алиса, страшно чихая.

Действительно, весь воздух вокруг был пропитан горечью перца. Даже Герцогиня то и дело чихала, а ребенок чихал и завывал попеременно, не умолкая ни на секунду.

Из находившихся в кухне не чихали только Кухарка и большой Кот, который лежал у очага и улыбался от уха до уха.

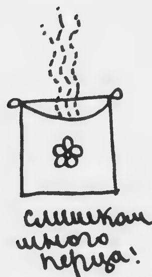
— Извините, не можете ли вы мне объяснить, — сказала Алиса, немного робея, так как она не была вполне уверена, не противоречит ли хорошим манерам то, что она говорит первой:— почему ваш Кот так кривит рот?

— Это — Чеширский Кот: когда его чешут, он улыбается, и, когда его не чешут, он тоже улыбается, — ответила Герцогиня. — Вот почему... Поросенок!

Она выкрикнула последнее слово с такой силой, что Алиса чуть не подпрыгнула, однако в следующую секунду она увидела, что это относится к ребенку, а не к ней. Поэтому она набралась храбрости и продолжала:

— Я не знала, что Чеширские коты всегда улыбаются. В самом деле, я не знала, что вообще коты *могут* улыбаться.

— Они все могут улыбаться, — сказала Герцогиня, — а большинство из них это и делает!

— Я не знаю ни одного, который улыбался бы, — возразила Алиса очень вежливо, будучи довольной, что может наконец вступить в серьезный разговор.

— Ты мало знаешь, — сказала Герцогиня. — Это бесспорно!

Алисе совсем не понравился тон, каким было сделано это замечание, и она подумала, что хорошо бы переменить предмет разговора. Пока она пыталась найти подходящую тему, Кухарка сняла котел с супом с очага и тотчас же принялась швырять все, что находилось под рукой, в Герцогиню и ребенка. Сначала полетели каминные щипцы, за ними последовал град кастрюль, тарелок и блюд.

Герцогиня не обращала на них внимания, даже когда они попадали в нее, а ребенок и без того все время так сильно вопил, что было совершенно невозможно сказать, попало ему или нет.

— О, *пожалуйста*, подумайте, что вы делаете! — вскричала Алиса, подпрыгивая в ужасе. — О, вот и погиб его *драгоценный* нос! (Действительно, необычайно большая сковородка пролетела так близко от носа младенца, что чуть-чуть не снесла его.)

— Если каждый будет заботиться о своих собственных делах, — хрипло проворчала Герцогиня, — земля будет вертеться гораздо быстрее, чем сейчас.

— От этого *не стало* бы лучше, — сказала Алиса, которая была очень рада немножко показать свои познания. — Только подумайте, что сделалось бы с днем и ночью! Видите ли, Земля совершает полный оборот вокруг своей оси в двадцать четыре часа. Так как вы уже окончили школу, то пора...

— Что касается топора, — крикнула Герцогиня, — отрубить ей голову!

Алиса испуганно взглянула на Кухарку, чтобы узнать, не намерена ли она выполнить намек. Но Кухарка деловито размешивала суп и как будто не слышала сказанного Герцогиней. Тогда Алиса продолжала:

— В двадцать четыре часа, *я думаю*, или в двенадцать? Я...

— О, не мучь *меня*! — воскликнула Герцогиня. — Я никогда не выносила цифр!

Тут она снова начала качать ребенка, напевая ему что-то вроде колыбельной песенки. При этом она изо всей силы встряхивала его после каждой строки:

С ребенком надо строгим быть,
И, если он чихает,
Его за это нужно бить!
Он всем надоедает!

Хор (к которому присоединились Кухарка и ребенок):

У-у! У-у! У-у!

Когда Герцогиня перешла ко второму куплету песни, она принялась изо всей силы бросать ребенка вверх и вниз, и несчастный младенец завывал так, что Алиса только с трудом могла разобрать слова:

Я бью ребенка потому,
Что громко он чихает,
Но перец нюхать и ему
Никто не запрещает!

Хор:

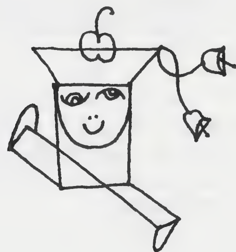
У-у! У-у! У-у!

— Ну, ты можешь понянчить его немного, если хочешь! — сказала Герцогиня Алисе, с этими словами швыряя ей ребенка — Я должна уйти и приготовиться к партии в крокет с Королевой.

Она торопливо вышла из комнаты. Кухарка пустила ей вслед сковородку, но слегка промахнулась.

Алиса удержала ребенка с некоторым трудом, потому что это было странно сложенное маленькое существо, которое растопыривало руки и ноги во всех направлениях. «Совсем как морская звезда», — подумала Алиса. Бедное маленькое существо пыхтело, будто паровая машина, когда Алиса подхватила его, и то складывалось вдвое, то опять выпрямлялось, так что все это вместе в первые несколько

См. стр. 286

минут потребовало от Алисы всех сил, чтобы его удержать.

Как только она нашла собственный способ нянчить его (для чего надо было скрутить ребенка в узел и потом тесно прижать его правое ухо к левой ноге, так, чтобы не позволить ему развязаться), она вынесла его на открытый воздух.

«Если я не возьму ребенка с собой, — подумала Алиса, — они, наверно, прикончат его через день или два; не будет ли также убийством оставить ребенка здесь?» Она произнесла заключительные слова громко, и маленькое существо хрюкнуло в ответ (к этому времени оно перестало чихать).

— Не хрюкай! — сказала Алиса. — Это совершенно неподходящая манера выражать свои чувства.

Ребенок хрюкнул снова, и Алиса с большим беспокойством заглянула ему в лицо, желая узнать, что с ним такое. Несомненно, ребенок был *очень* курнос, и скорее он имел рыльце, а не обыкновенный нос. Точно так же его глаза были чересчур малы для ребенка. Вообще Алисе не понравилась вся его наружность.

«Но может быть, он только всхлипывает?» — подумала она и опять заглянула ему в глаза: нет ли в них слез.

Нет, слез не было.

— Если ты хочешь превратиться в поросенка, мой милый, — строго сказала Алиса, — мне с тобой нечего будет делать. Теперь — подумай!

Маленькое бедное существо опять всхлипнуло (или хрюкнуло: невозможно было решить, что именно оно сделало), и они шли некоторое время молча.

Едва Алиса принялась размышлять: «Что же я буду делать с этим созданием, когда принесу его к себе домой...», как вдруг оно снова хрюкнуло так сильно, что она посмотрела ему в лицо с некоторой тревогой. Сейчас не могло быть *никакой* ошибки: это был не более не менее как поросенок, и Алиса решила, что с ее стороны явилось бы полнейшей нелепостью нести его дальше. Она поставила маленькое существо на землю и с большим облегчением смотрела, как оно побежало рысью по направлению к лесу.

«Если бы он вырос, — подумала она, — он был бы ужасно уродливым ребенком, но, мне кажется, теперь из него вышел очень красивый поросенок!» И она стала вспоминать всех знакомых детей, которые могли бы быть очень хорошими поросятами. И только она сказала себе: «Лишь бы узнать верный способ превращения...», как вдруг слегка вздрогнула, заметив Чеширского Кота, сидящего на суку дерева в нескольких шагах от нее.

Кот лишь улыбнулся, когда увидел Алису. «Он выглядит добродушным», — подумала Алиса. Но у Кота были *очень* длинные когти и *много* больших зубов. Поэтому она решила, что с ним нужно обращаться почтительно.

— Чеширский Котик... — начала она довольно робко, так как совсем не была уверена, понравится ли ему это имя. Однако Кот только улыбнулся немного шире. «Ну, пока что ему это нравится», — подумала Алиса и продолжала: — Не будете ли вы добры сказать мне, по какой дороге я могу уйти отсюда?

Про Чеширского Кота см. стр. 265

— Это в большой степени зависит от того, куда ты хочешь прийти, — ответил Кот.

— Я не очень забочусь, куда именно... — сказала Алиса.

— Тогда не имеет значения, по какой дороге ты пойдешь, — возразил Кот.

— ...так далеко, чтобы прийти *куда-нибудь*, — добавила Алиса в виде пояснения.

— О, наверно, так и получится, — сказал Кот, — если только ты пойдешь достаточно далеко.

Алиса чувствовала, что против этого нечего возразить, и попробовала задать другой вопрос:

— Что за люди живут здесь в окрестностях?

— *В этом* направлении, — сказал Кот, поводя вокруг своей правой лапой, — живет Шляпочник, а *в этом* направлении, — взмах другой лапой, — живет Мартовский Заяц. Навести кого хочешь: они оба — сумасшедшие.

— Но я вовсе не желаю путешествовать среди сумасшедших, — заметила Алиса.

— О, ты ничего не можешь с этим поделать, — сказал Кот. — Мы все здесь сумасшедшие. Я сумасшедший. Ты сумасшедшая.

— Откуда вы знаете, что я сумасшедшая? — спросила Алиса.

— Ты безусловно должна быть сумасшедшей, — ответил Кот, — иначе ты не попала бы сюда.

Алиса совсем не была согласна с таким доказательством, однако она продолжала:

— А почему вы знаете, что вы сумасшедший?

— Начать с того, — сказал Кот, — что собака не сумасшедшая. Ты согласна с этим?

— Я полагаю, что это так, — ответила Алиса.

— Ну, тогда дальше, — продолжал Кот. — Видишь ли, собака ворчит, когда она сердита, и машет хвостом, когда она довольна. Ну а я ворчу, когда я доволен, и машу хвостом, когда я сердит. Поэтому я — сумасшедший.

— Я называю это мурлыканьем, а не ворчанием, — возразила Алиса.

— Называй как хочешь, — сказал Кот. — Ты играешь сегодня с Королевой в крокет?

— Я была бы очень рада, — ответила Алиса, — но я не приглашена еще.

— Ты меня увидишь там, — сказал Кот и исчез.

Алиса не очень удивилась этому, так как начала уже привыкать к происходящим здесь странным вещам. Но пока она разглядывала место,

где прежде находился Кот, он внезапно появился снова.

— Кстати, что произошло с ребенком? — произнес Кот. — Я чуть не забыл тебя спросить.

— Он превратился в поросенка, — ответила Алиса совершенно спокойно, как если бы Кот вернулся естественным путем.

— Я думаю, он должен был превратиться! — заметил Кот и исчез вновь.

Алиса немного подождала, все еще надеясь, что он вернется опять, но Кот больше не появлялся и, спустя одну или две минуты она пошла в том направлении, где, как ей было сказано, жил Мартовский Заяц.

— Я видела шляпочников и раньше, — разговаривала она сама с собой. — Мартовский Заяц должен быть гораздо интереснее и возможно, так как сейчас май, он не будет сумасшедшим — по крайней мере, таким сумасшедшим, как в марте.

Произнеся это, она тотчас же взглянула вверх. На ветке дерева опять сидел Кот.

— Ты сказала «спросонок» или «поросенок»? — спросил Кот.

— Я сказала — поросенок, — ответила Алиса. — И я хотела бы, чтобы вы не появлялись и не исчезали так внезапно: от этого у кого угодно может закружиться голова.

— Хорошо, — сказал Кот. Теперь он исчезал очень медленно, начиная с кончика хвоста и кончая улыбкой, которая оставалась еще неко-

торое время после того, как все остальное скрылось.

«Ну, мне часто приходилось видеть кота без улыбки, — подумала Алиса, — но улыбка без кота! Это самое удивительное, что я когда-нибудь видела в жизни».

Она отошла не очень далеко, как уже показался дом Мартовского Зайца. Алиса решила, что это, наверно, должен быть он, потому что трубы напоминали заячьи уши, а крыша была крыта мехом.

Дом был такой большой, что она не осмелилась подойти к нему ближе до тех пор, пока не надгрызла еще немного кусок мухомора в левой руке и не увеличила свой рост до двух футов. Даже после этого она направилась к дому с явной робостью, говоря себе:

— Предположим, что Мартовский Заяц все-таки сумасшедший! Я уже почти хочу вместо него посмотреть Шляпочника!

Глава VII

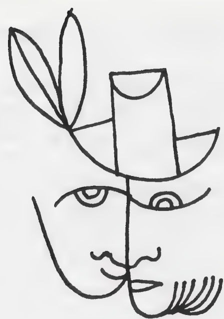
БЕЗУМНОЕ ЧАЕПИТИЕ

ПОД деревом, против дома, стоял стол, за которым пили чай Мартовский Заяц и Шляпочник, а между ними сидела Орешниковая Соня. Она крепко спала. Мартовский Заяц и Шляпочник пользовались ею как диванной подушкой, поставив на нее локти, и разговаривали через ее голову.

«Как неудобно для Сони, — подумала Алиса. — Хорошо, что она спит и, вероятно, этого не чувствует».

Стол был очень велик, но все трое стеснились в одном углу его.

— Нет места! Нет места! — закричали они, увидев подходившую Алису.

— Здесь *достаточно* места! — с негодованием сказала Алиса и села в большое кресло в конце стола.

— Не угодно ли вина? — предложил Мартовский Заяц ободряющим тоном.

Алиса взглянула на стол, но там не было ничего, кроме чая.

— Я совсем не вижу вина, — заметила она.

— Здесь и нет никакого вина, — сказал Мартовский Заяц.

— В таком случае, не очень вежливо с вашей стороны предлагать его! — возразила Алиса сердито.

— Точно так же с твоей стороны не очень-то вежливо садиться без приглашения, — заявил Мартовский Заяц.

— Я не знала, что этот стол только для *вас*, — сказала Алиса: — он накрыт больше чем на троих.

— Тебе нужно подстричься, — произнес Шляпочник. Он в течение некоторого времени разглядывал Алису с большим любопытством, и это были первые его слова.

— Вы не должны касаться личностей, — строго ответила Алиса, — это неприлично!

Шляпочник широко открыл глаза, услышав ее замечание, но *сказал* лишь:

— Какое сходство между вороном и письменным столом?

«Ну теперь начинаются шутки! — подумала Алиса. — Я рада, что они стали загадывать загадки».

— Я уверена, что смогу разгадать это, — добавила она громко.

— Ты думаешь, что можешь ответить? — спросил Мартовский Заяц.

— Совершенно правильно, — произнесла Алиса.

— Тогда говори то, что ты думаешь, — предложил Мартовский Заяц.

— Я это и делаю, — поспешно ответила Алиса. — По крайней мере... по крайней мере, я думаю, что говорю, — это знаете ли, одно и то же.

— Совсем не одно и то же, — возразил Шляпочник. — Ну, с таким же основанием ты можешь сказать, что «Я вижу, что ем» — то же самое, что «Я ем, что вижу!»

— С таким же основанием можно сказать, — добавил Мартовский Заяц: — «Я люблю, что имею» — то же самое, что «Я имею, что люблю».

— Может быть, ты скажешь еще, — добавила Соня, которая, очевидно, разговаривала во сне, — что «Я дышу, когда сплю» — то же самое, что «Я сплю, когда дышу»?

— Это и *есть* одно и то же для тебя! — сказал Шляпочник.

Здесь разговор оборвался, и компания с минуту сидела молча. Все это время Алиса вспоми-

нала что только могла о воронах и письменных столах, но на память приходило очень мало.

Шляпочник первый нарушил молчание.

— Какое число сегодня? — сказал он, обращаясь к Алисе.

Он достал из кармана часы и с беспокойством рассматривал их, то и дело встряхивая и прикладывая к уху.

Алиса подумала немного и сказала:

— Четвертое.

— Отстали на два дня! — вздохнул Шляпочник. — Я говорил тебе — сливочное масло не годится для механизма, — добавил он, сердито смотря на Мартовского Зайца.

— Это было *превосходное* масло, — виновато ответил Мартовский Заяц.

— Да, но с ним попали внутрь крошки! — проворчал Шляпочник. — Ты не должен был смазывать механизм при помощи хлебного ножа.

Мартовский Заяц взял часы и мрачно поглядел на них. Затем он опустил их в чашку с чаем и снова на них поглядел. Но он не мог придумать ничего лучшего, как повторить опять:

— Это было *превосходное* масло.

Алиса смотрела через его плечо с большим любопытством.

— Что за смешные часы! — удивилась она. — Они показывают число месяца и не могут показать, который час.

См. стр. 297

— А зачем? — пробормотал Шляпочник. — Разве *твои* часы показывают, который год?

— Конечно, нет, — с готовностью ответила Алиса. — Но это потому, что на них все время один и тот же год.

— То же самое как раз и с *моими*, — заметил Шляпочник.

Алиса была смущена: слова Шляпочника, казалось, не имели никакого смысла, и, однако, они были сказаны по-английски.

— Я совсем не понимаю вас, — произнесла она как можно вежливее.

— Соня опять спит, — сказал Шляпочник и налил немного горячего чая ей на нос.

Соня нетерпеливо тряхнула головой и проговорила, не открывая глаз:

— Конечно, конечно: это как раз то, что я сама хотела сказать.

— Ты уже разгадала загадку? — спросил Шляпочник, опять обращаясь к Алисе.

— Нет, я сдаюсь, — ответила Алиса. — А какая отгадка?

— Не имею ни малейшего понятия, — сказал Шляпочник.

— И я тоже, — сказал Мартовский Заяц.

— Я думаю, вы могли бы занять время чем-нибудь более полезным, — заметила Алиса. — Сейчас оно тратится напрасно, так как вы загадываете загадки, на которые нет ответа.

— Если бы ты знала Время, как я его знаю, — произнес Шляпочник, — ты не говорила бы, что растрачивается *оно*. Время — он.

— Я не знаю, что вы имеете в виду, — сказала Алиса.

— Где тебе знать! — возразил Шляпочник, презрительно качая головой. — Я полагаю, что ты никогда даже не разговаривала с Временем!

— Может быть, и нет, — осторожно ответила Алиса, — но я отбивала время, когда училась музыке.

— А! Тогда все понятно, — сказал Шляпочник. — Он не терпит, когда его отбивают, как бифштекс. Вот если бы ты была в хороших отношениях с ним, он делал бы с часами все, что ты пожелала бы. Например, предположим, что сейчас девять часов утра — как раз время для начала занятий в школе. Ты бы только намекнула Времени — и в мгновение ока повернулись бы стрелки часов! Половина второго — пора обедать!

— Единственно этого я и хотел бы, — прошептал про себя Мартовский Заяц.

— Замечательная вещь, конечно, — сказала в раздумье Алиса, — но тогда... видите ли, я еще не была бы достаточно голодной.

— Сначала, возможно, что и нет, — возразил Шляпочник, — но ты могла бы сколько тебе угодно задерживать стрелки на половине второго.

— Не этот ли способ *вы* употребляете? — спросила Алиса.

Шляпочник печально покачал головой.

— Я — нет! — ответил он. — Мы поссорились в прошедшем марте — как раз перед тем, когда он становится сумасшедшим, ты знаешь (указывая чайной ложкой на Мартовского Зайца)... Это было на большом концерте, который давала Королева Червей. Я пел тогда:

Вейся, вейся, смейся мне,
Нетопырь, летя к луне!

Ты может быть, помнишь эту песню?

— Я слышала что-то похожее, — сказала Алиса.

— Дальше она поется, — продолжал Шляпочник, — таким образом:

Синей ночью с высоты
Чайной чашкой блещешь ты!
Вейся, вейся...

Тут Соня встряхнула головой и начала подпевать сквозь сон: *«Вейся, вейся, вейся...»*, и это продолжалось так долго, что они ущипнули ее, чтобы она замолчала.

— Ну, только я кончил первую строфу, — сказал Шляпочник, — как Королева вскочила и заорала: «Он убивает время! Долой ему голову!»

— Какая это чудовищная жестокость! — воскликнула Алиса.

— И с тех пор, — печально продолжал Шляпочник, — Время не хочет делать того, о чем я говорю! Теперь у нас всегда — шесть часов.

У Алисы блеснула неожиданная мысль.

— Не потому ли здесь наставлено так много чайных приборов? — спросила она.

— Да, поэтому, — сказал, вздохнув. Шляпочник. — У нас постоянно время пить чай, и мы не успеваем помыть посуду в промежутках.

См. стр. 299

— Значит, вы должны передвигаться вокруг стола? — сказала Алиса.

— Так и есть, — подтвердил Шляпочник: — мы меняем места, как только нам нужна чистая посуда.

— Но что происходит, когда вы снова возвращаетесь к началу стола? — осмелилась спросить Алиса.

— Предположим, что мы переменили предмет разговора, — зевая, прервал их Мартовский Заяц. — Я устал от всего этого. Я предлагаю, чтобы молодая леди рассказала нам сказку.

— Как жаль, но я не знаю ни одной сказки, — возразила Алиса, немного испуганная его предложением.

См. стр. 294

— Тогда пусть расскажет Соня! — закричали вместе Шляпочник и Мартовский Заяц. — Проснись, Соня! — И они ущипнули сразу с двух сторон.

Соня медленно открыла глаза.

— Я не спала, — сказала она хриплым, слабым голосом. — Я слышала каждое слово, которое вы, ребята, здесь произнесли.

— Расскажи нам историю! — потребовал Мартовский Заяц.

— Да, будьте добры, расскажите! — попросила Алиса.

— И побыстрее! — добавил Шляпочник. — Иначе ты опять, заснешь, прежде чем кончишь.

— В незапамятные времена жили три сестры, — начала Соня с большой торопливостью. — Их звали Эльзи, Лесси и Тилли, и жили они на дне колодца.

— Чем же они там питались? — сказала Алиса, которая всегда проявляла глубокий интерес ко всему, что едят или пьют.

— Они питались патокой, — ответила Соня после минутного размышления.

— Они не могли делать этого, вы знаете, — осторожно заметила Алиса, — они заболели бы.

— Они и были больны, — сказала Соня, — *очень* больны.

Алиса попыталась представить себе, на что мог быть похож такой необычайный образ жизни. Однако он слишком ее поразил, и она нашлась только спросить:

— Но почему они жили на дне колодца?

— Налей немного больше чаю, — очень серьезно сказал Алисе Мартовский Заяц.

— Я еще ничего не наливала, — ответила Алиса обиженно, — как я могу налить больше?

— Ты, вероятно, хочешь сказать, что не можешь налить *меньше*, — возразил Шляпочник. — Это очень легко налить *больше*, чем ничего.

— Никто не спрашивает *вашего* мнения, — сказала Алиса.

— Кто теперь касается личностей? — спросил Шляпочник с торжеством.

Алиса совершенно не знала, что на это ответить. Чтобы выйти из затруднительного положения, она налила себе чаю и сделала бутерброд. Затем она повернулась к Соне и повторила свой вопрос:

— Почему они жили на дне колодца?

Соня опять принялась думать минуту или две и потом сказала:

— Это был паточный колодец.

— Такого не бывает... — начала Алиса очень сердито.

Но Шляпочник и Мартовский Заяц зашикали на нее:

— Ш-ш!

А Соня обиженно заметила:

— Если ты не можешь быть вежливой, то лучше тогда доскажи сказку сама.

— Нет, пожалуйста, продолжайте, — сказала Алиса просительно. — Я больше не буду вас прерывать. Я допускаю, что *один* такой колодец мог быть.

См. стр. 292

— «Один»! Как бы не так! — с негодованием сказала Соня. Однако она согласилась продолжать. — Итак, эти три маленькие сестры... они научились таскать, знаете ли...

— Что они таскали? — сказала Алиса, совершенно забыв свое обещание.

— Патоку, — ответила Соня, на этот раз без дальнейшего размышления.

— Мне нужна чистая чашка, — прервал разговор Шляпочник. — Передвинемся все на одно место дальше!

При этих словах он передвинулся, и за ним последовала Соня. Мартовский Заяц сел на место Сони, а Алиса с большой неохотой заняла место Мартовского Зайца. От этой перемены выиграл только Шляпочник. Алисе же было гораздо неудобнее, чем прежде, так как Мартовский Заяц только что опрокинул молочник в свое блюдце.

Алиса не хотела снова сердить Соню, поэтому она начала очень осторожно:

— Но я не понимаю, откуда они таскали патоку?

— Ты можешь таскать воду из водяного колодца, — сказал Шляпочник, — таким образом, я допускаю, что ты можешь таскать патоку из паточного колодца, — э, глупая!

— Но ведь три сестры были в колодце... *внутри*, — обратилась Алиса к Соне, предпочитая не слышать последнего замечания.

— Ну, *три*, — сказала Соня, — внутри.

Этот ответ так смутил бедную Алису, что она позволила Соне продолжать и не прерывала ее в течение некоторого времени.

— Они научились рисовать, — продолжала Соня, зевая и протирая глаза, так как она снова начинала засыпать, — и они рисовали разного рода вещи. Все что начинается с «м»...

— Почему с «м»? — спросила Алиса.

— А почему бы и нет? — сказал Мартовский Заяц.

Алиса промолчала.

В это время Соня закрыла глаза и начала дремать, но ее ущипнул Шляпочник, и она, слабо вскрикнув, проснулась опять и продолжала:

— ...которые начинались с «м», как, например, мышеловка, и месяц, и мысль, и множество... Знаешь ли, ты говоришь: «многое множество», но приходилось ли тебе когда-нибудь видеть такую вещь, как рисование «многого множества»?

— Раз вы спрашиваете меня, — сказала Алиса, очень сконфуженная, — действительно, я не думаю...

— Тогда ты не должна и говорить, — сказал Шляпочник.

Такой неслыханной грубости Алиса не могла вынести. Она с величайшим отвращением встала и пошла прочь. Соня немедленно заснула, и никто из оставшихся за столом не обратил ни малейшего внимания на уход Алисы, хотя она раз или два оглянулась, еще надеясь, что ее все же позовут обратно. В последнее мгновение она видела, как Шляпочник и Мартовский Заяц пытались засунуть Соню в чайник.

См. стр. 296

— Во всяком случае, я никогда не вернусь *сюда* снова! — сказала Алиса, пробираясь через лес. — Это самое бессмысленное чаепитие, которое я когда-нибудь встречала в жизни!

Не успела она это произнести, как заметила, что в одном из деревьев была дверь, ведущая внутрь его.

«Это очень странно! — подумала она. — Но сегодня все странно. Я полагаю, что могу сейчас же войти туда».

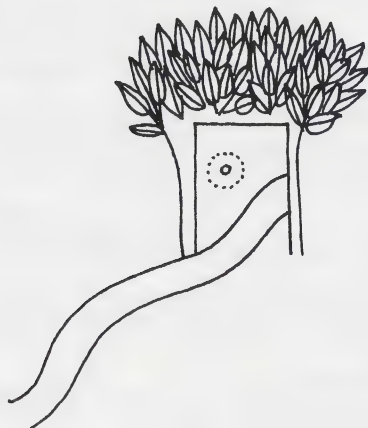
И она вошла.

Еще раз она очутилась в длинном зале, возле маленького стеклянного стола.

— Ну, теперь я лучше воспользуюсь временем, — сказала она себе и начала с того, что взяла маленький золотой ключик и отперла дверь, которая вела в сад.

Затем она принялась грызть мухомор (у нее был кусок мухомора в кармане) до тех пор, пока не стала с фут вышиной. Затем она спустилась вниз по узкому проходу и затем... оказалась наконец в прекрасном саду, среди ярких цветных клумб и прохладных фонтанов.

См. стр. 243

Глава VIII

КРОКЕТНАЯ ПЛОЩАДКА КОРОЛЕВЫ

У ВХОДА в сад рос большой розовый куст, на нем цвели белые розы. Но находившиеся тут же три садовника деловито перекрашивали их в красный цвет. Алисе это показалось очень странным, и она подошла поближе, чтобы лучше наблюдать их работу. Едва Алиса приблизилась к ним, как услышала, что один из них сказал:

О войне Красной и Белой Розы см. стр. 275

— Поосторожнее, Пятерка! Не брызгай на меня краской!

— Я тут ни при чем! — проворчал Пятерка сердито. — Семерка толкнул меня под локоть!

В ответ на это Семерка поднял глаза и сказал:

— Верно, Пятерка! Всегда виноваты другие.

— Тебе лучше бы помолчать, — произнес Пятерка. — Лишь вчера я слышал: Королева сказала, ты заслуживаешь, чтобы тебе сняли голову!

— За что? — спросил тот, который заговорил первым.

— Не *твое* дело, Двойка! — сказал Семерка.

— Нет, это *его* дело! — возразил Пятерка. — И я скажу ему: за то, что ты принес повару тюльпанные луковицы вместо лука.

Семерка швырнул на землю малярную кисть и начал было:

— Ну, из всех несправедливостей… — как вдруг его взгляд случайно упал на Алису, которая стояла, рассматривая их, и он внезапно замолчал.

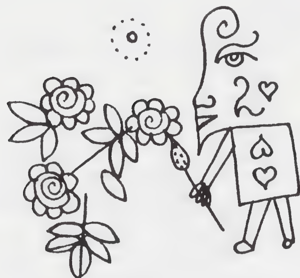
Остальные обернулись тоже и все вместе низко поклонились.

— Не можете ли вы объяснить мне, — сказала Алиса, немного робея, — зачем вы красите эти розы?

Пятерка и Семерка ничего не ответили, но посмотрели на Двойку.

Двойка начал глухим голосом:

— Да вот, видите ли, мисс, дело в том, что здесь должен был быть *красный* розовый куст, а мы по ошибке посадили белый, и, если Королева заметит это, нам, всем, знаете ли, снесут головы прочь. Поэтому, видите ли, мисс, мы стараемся изо всех сил, прежде чем она явится, чтобы…

В этот момент Пятерка, который с беспокойством смотрел в глубь сада, закричал:

— Королева! Королева!

И все трое садовников мгновенно повалились на землю лицом вниз. Раздался шум множества шагов, и Алиса обернулась, нетерпеливо желая увидеть Королеву.

Сначала появились десять солдат с дубинками (солдаты были той же формы, что и три садовника: прямоугольные и плоские, с руками и ногами по углам), затем — десять придворных. Придворные были сплошь осыпаны брильянтами и двигались попарно, как и солдаты. Вслед за ними шли королевские дети; их было десять. Милые крошки шли тоже попарно, держась за руки и весело подпрыгивая на ходу. Все они были украшены знаком Сердца. После них появились гости, главным образом Короли и Дамы. Среди гостей Алиса узнала Белого Кролика. Он торопливо и нервно без умолку говорил, смеясь всему, что сам сказал. Он прошел мимо Алисы, не заметив ее. Затем шел Валет Червей, который нес королевскую корону на подушке малинового бархата. В заключение этого грандиозного шествия следовали КОРОЛЬ и КОРОЛЕВА ЧЕРВЕЙ.

Про Королевских детей *См. стр. 283*

Алиса не могла решить, должна ли она упасть лицом вниз, подобно трем садовникам, но не могла вспомнить, чтобы когда-нибудь слышала о таком правиле при процессиях. «И к тому же, какой был бы толк в шествиях, — думала она, — если бы зрители лежали вниз лицом и ничего не могли видеть». Поэтому она осталась стоять на месте и ждала.

Когда шествие поравнялось с Алисой, все остановились и принялись ее разглядывать. Королева строго спросила:

— Кто это?

Она задала этот вопрос Валету Червей, который только поклонился и улыбнулся в ответ.

— Идиот! — сказала Королева и, нетерпеливо тряхнув головой, обратилась к Алисе: — Как тебя зовут, дитя?

— Меня зовут Алиса, если будет угодно вашему величеству, — очень вежливо ответила Алиса, но она тут же добавила про себя: «Ну, они только колода карт, в конце концов. Мне нечего их бояться».

См. стр. 278

— А кто *эти*? — спросила Королева, указывая на трех садовников, растянувшихся вокруг розового куста.

Так как, видите ли, они лежали лицом вниз и узор на их спинах был такой же, что у остальных карт колоды, она не могла узнать, были ли то садовники, или солдаты, или придворные, или трое ее собственных детей.

Про карточнае игры см. стр. 269

— Откуда мне знать? — сказала Алиса, удивленная своей смелостью. — Это не мое дело.

Королева побагровела от ярости и, с минуту пристально поглядев на нее, подобно дикому зверю, завизжала:

— Долой ей голову! ДОЛОЙ!

— Нелепость! — сказала Алиса очень громко и решительно, и Королева замолчала.

Король положил свою руку на руку Королевы и робко заметил:

— Подумай, моя дорогая: ведь она — только ребенок!

Королева гневно отвернулась от него и приказала Валету:

— Переверни их!

Валет сделал это очень осторожно ногой.

— Встаньте! — сказала Королева пронзительным, громким голосом.

Три садовника мгновенно вскочили и начали кланяться Королю, Королеве, королевским детям и всем вообще.

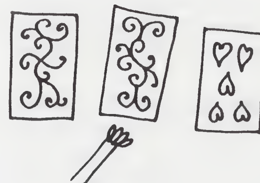
— Перестаньте! — взвизгнула Королева. — У меня голова кругом идет.

Затем она повернулась к розовому кусту и продолжала:

— Что вы *делали* здесь?

— Если будет угодно вашему величеству, — сказал Двойка очень униженным тоном, опускаясь, при этом на одно колено, — мы старались...

— Я вижу! — сказала Королева, тем временем осматривавшая розы. — Долой им головы!

Процессия двинулась дальше, и только три солдата остались позади, чтобы казнить несчастных садовников, которые бросились к Алисе за защитой.

— Вы не будете обезглавлены! — сказала Алиса и спрятала их в большой цветочный горшок, стоявший вблизи.

Три солдата минуту или две бродили вокруг, ища их, и потом спокойно замаршировали вслед за остальными.

— Отрубили им головы? — закричала Королева.

— Их головы исчезли, если это будет угодно вашему величеству! — гаркнули солдаты.

— Правильно! — закричала Королева. — Не сыграть ли нам в крокет?

Солдаты молчали и смотрели на Алису, так как вопрос, очевидно, был обращен к ней.

— Да! — крикнула Алиса.

— Тогда идем! — заорала Королева.

И Алиса присоединилась к шествию, очень интересуясь, что случится дальше.

— Это... это прекрасный день! — послышался робкий голос сбоку от нее: она шла рядом с Белым Кроликом, который тревожно смотрел ей в лицо.

— Превосходный, — сказала Алиса. — А где Герцогиня?

— Т-ш! Т-ш! — торопливо произнес Кролик приглушенным голосом. Он боязливо оглянулся через плечо, сказав это, и потом поднялся на цыпочки, приблизил губы вплотную к ее уху и прошептал: — Она приговорена к казни!

— За что, расскажите, пожалуйста, — попросила Алиса.

— Вы сказали: «Какая жалость»? — переспросил Кролик.

— Нет, я не говорила этого, — возразила Алиса, — я совсем не думала о жалости. Я сказала: «За что?»

Оппозиция Королевы и Герцогини см. стр. 276

— Она надавала пощечин Королеве… — начал Кролик.

Алиса слегка взвизгнула от смеха.

— О! Молчи! — испуганно прошептал Кролик. — Королева услышит тебя! Видишь ли, она пришла с опозданием, и Королева сказала…

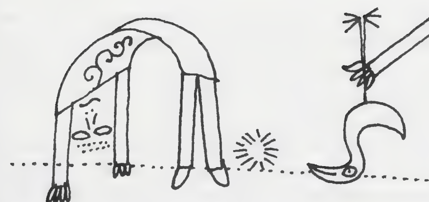
— По местам! — закричала Королева громовым голосом, и все вокруг начали бегать туда и сюда, кувыркаясь один через другого.

Однако спустя одну или две минуты гости разместились, и игра началась.

Про Крокет см. стр. 269

Алиса подумала, что за всю свою жизнь никогда еще не видела такой странной площадки для игры в крокет. Это были сплошные грядки и борозды. Шарами служили живые ежи, молотками — живые фламинго, а солдаты, согнувшись вдвое и упираясь в землю головами и руками, изображали крокетные ворота.

Первым затруднением для Алисы было, как действовать своим фламинго. Ей удалось довольно удобно запрятать его тело под руку, причем ноги фламинго свисали вниз. Но всякий раз, когда она точно направляла его шею, готовясь нанести удар по ежу головой фламинго, последний *непременно*

скручивал шею в кольцо и заглядывал ей в глаза с таким недоумевающим выражением, что она не могла не расхохотаться. Когда же Алиса пригибала ему голову книзу и готовилась начать заново, она с досадой замечала, что еж развернулся и собирается убежать. Помимо всего, всюду, куда бы она ни хотела «послать» ежа, были грядки и борозды, а согнутые пополам солдаты беспрестанно распрямлялись и переходили на другую сторону площадки.

Алиса быстро сделала вывод, что это чрезвычайно трудная игра.

Участники ее играли все сразу, не ожидая очереди, ссорясь все время и сражаясь из-за ежей. Королева очень скоро пришла в ярость. Она носилась вокруг и кричала почти ежеминутно:

— Долой ему голову!

Или:

— Долой ей голову!

Алиса начала чувствовать все большее беспокойство: конечно, у нее не было пока столкно-

вений с Королевой, но она знала, что это может произойти каждый миг. «И тогда, — думала она, — что случится со мной? Здесь уж очень любят обезглавливать людей; удивительно, что кое-кто еще остается в живых!»

Алиса принялась осматриваться кругом, ища какого-нибудь пути к спасению и соображая, как бы отсюда незаметно ускользнуть. Вдруг она увидела странное явление в воздухе; сначала оно ее изумило, но, понаблюдав его одну-две минуты, Алиса догадалась, что это улыбка, и она сказала себе:

— Это Чеширский Кот. Теперь будет с кем потолковать!

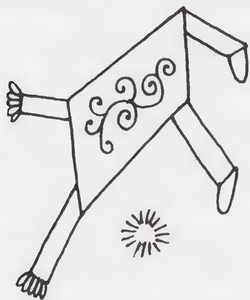
— Ну, как поживаешь? — спросил Кот, лишь только у него ясно обрисовались губы и он смог говорить.

Алиса подождала, пока показались глаза, и затем покачала головой. «Нет никакого смысла разговаривать с ним, — подумала она, — пока не появятся уши или, по крайней мере, одно из них».

В следующую минуту показалась вся голова, и тогда Алиса поставила на землю фламинго и начала рассказывать об этой странной игре в крокет, очень обрадованная, что есть кому слушать ее. Кот, по-видимому, решил, что теперь видна достаточная часть его, и дальше не стал показываться.

— Я считаю, что они играют не совсем по правилам, — начала Алиса жалобным тоном, — и они так ужасно ссорятся, что не слышат друг друга. Кажется, у них вообще нет каких-либо правил. В конце концов, даже если они есть, никто их не выполняет, и вы не можете представить себе, как это путает, когда все предметы — живые. Сейчас, например, ворота, в которые я должна была «пройти», переходят на другой конец площадки. А когда я собралась крокетировать «шар» Королевы, он просто убежал при моем приближении.

— Как тебе нравится Королева? — тихо спросил Кот.

— Совсем не нравится, — сказала Алиса. — Она так... — Тут она заметила, что Королева стоит за ее спиной и подслушивает. Тогда она продолжала: — близка к выигрышу, что едва ли стоит тратить время на продолжение игры.

Королева улыбнулась и прошла мимо.

— С *кем* ты разговариваешь? — сказал Король, подходя к Алисе и рассматривая с большим любопытством голову Кота.

— Это мой друг — Чеширский Кот, — ответила Алиса. — Разрешите представить!

— Мне не нравится его внешность! — возразил Король. — Однако, если ему хочется, я удостою его почести: он может поцеловать мою руку.

— Совсем не хочется, — заметил Кот.

— Не будь дерзким, — сказал Король, — и не смотри на меня так!

Говоря это, он спрятался за Алису.

— Кот может смотреть на Короля, — возразила Алиса, — я читала об этом в какой-то книге, но я не могу вспомнить, в какой именно.

— Во всяком случае, он должен быть удален! — сказал Король очень решительно и позвал Королеву, которая в этот момент проходила мимо. — Моя дорогая! Я желаю, чтобы ты удалила этого Кота!

Королева знала лишь один способ устранять все затруднения — большие или маленькие.

— Долой ему голову! — крикнула она, даже не оглянувшись.

— Я сам пойду за палачом! — нетерпеливо сказал Король и поспешно ушел.

Алиса только подумала, не возвратиться ли посмотреть на продолжение игры, как вдруг раздался голос Королевы, визжащей от гнева. Алиса уже слышала три смертных приговора игрокам, прозевавшим свою очередь. Ей вообще совсем не нравилось

происходящее вокруг, так как игра была настолько запутана, что она совершенно не знала, когда будет ее очередь играть. Все же она отправилась искать своего ежа.

Ее еж был занят битвой с чужим ежом. Это показалось Алисе превосходным случаем крокетировать одного другим. Единственным затруднением было, что ее фламинго перешел на другую сторону площадки, где, как могла видеть Алиса, он самым беспомощным образом пытался взлететь на одно из деревьев.

Когда же она поймала фламинго и принесла его назад, битва была уже окончена и оба ежа скрылись из виду. «Но это не имеет никакого значения, — подумала Алиса, — потому что все ворота ушли с этой стороны площадки». Тогда она сунула фламинго под мышку, чтобы он не мог убежать снова, и поспешила назад, желая продолжить разговор со своим другом.

Возвратись к Чеширскому Коту, она была удивлена, увидав, что вокруг него собралась целая толпа. Здесь шел спор между палачом, Королем и Королевой, которые говорили все сразу, тогда как остальные молчали, словно набрав воды в рот, и выглядели очень недовольными.

Едва Алиса приблизилась, все трое обратились к ней за разрешением спорного вопроса и повторили ей свои доводы. Так как они говорили все в одно время, она лишь с большим трудом поняла, о чем идет речь.

Палач доказывал, что он не может отрубить голову, если нет тела, от которого она должна быть отрублена: он никогда прежде не делал ничего подобного и не хочет начинать учиться этому в *его* возрасте.

Довод Короля был краток: всякий, у кого есть голова, может быть обезглавлен, и поэтому нечего болтать чепуху.

Довод Королевы был тот, что, если что-нибудь не будет выполнено в мгновение ока, она казнит присутствующих всех до одного. (Именно последнее замечание было причиной того, что вся компания смотрела очень мрачно и испуганно.)

Алиса не смогла придумать ничего более убедительного, как только сказать:

— Кот принадлежит Герцогине. Вы лучше ее спросите об этом.

— Она в тюрьме, — сказала Королева палачу. — Немедленно доставь ее сюда!

И палач понесся, как стрела.

Лишь только он умчался, Кот начал постепенно исчезать, и к тому времени, когда палач вернулся вместе с Герцогиней, он исчез совершенно. Король и палач дико метались по крокетной площадке, разыскивая его, а остальное общество вновь занялось игрой.

Глава IX

ИСТОРИЯ МОК-ТАРТЛЯ — ФАЛЬШИВОЙ ЧЕРЕПАХИ

— Ты не представляешь себе, до чего я рада опять увидеть тебя, моя дорогая старушка! — воскликнула Герцогиня, нежно взяв Алису под руку, и они пошли вместе.

Алиса также очень обрадовалась, найдя ее в хорошем настроении, и подумала про себя, что это только от перца Герцогиня была такой злой во время их встречи в кухне. «Когда я стану Герцогиней, — сказала она себе (хотя и не слишком уверенно!), — я совсем не допущу перца в моей кухне. Суп может быть хорошим и без него... Вероятно, это перец делает людей раздражительными, — продол-

жала она, очень довольная тем, что открыла нечто вроде нового правила, — и уксус — кислыми, и ромашка — мрачными, а... ячменный сахар и тому подобные вещи — они делают детей такими нежными... Я хотела бы, чтобы все люди поняли это: тогда, знаете ли, они не скупились бы на сласти...»

Она почти совершенно забыла о Герцогине и немного вздрогнула, услышав ее голос у самого своего уха:

— Ты о чем-то думаешь, моя дорогая, и совсем не разговариваешь! Я сейчас не могу сказать, какая мораль вытекает отсюда, но я чуточку припомню и скажу...

— Может быть, здесь нет никакой морали, — осмелилась заметить Алиса.

— Ну-ну, дорогая! В каждой вещи есть мораль, если ты только сумеешь ее найти. — И, говоря так, она теснее прижалась к боку Алисы.

Алисе не совсем понравилась подобная, слишком уж тесная, близость: во-первых, потому, что Герцогиня была очень безобразна, и, во-вторых, потому, что она имела как раз такой рост, чтобы вдавить свой подбородок в плечо Алисы. А это был чрезвычайно неудобный, острый подбородок. Однако она не хотела быть грубой и терпела через силу.

— Игра идет сейчас гораздо лучше, — сказала она, чтобы хоть немного поддержать разговор.

— Это так, — ответила Герцогиня, — и мораль отсюда: «О любовь, любовь! Она заставляет вертеться землю!»

— Кое-кто говорит, — прошептала Алиса, — что это происходит от того, что каждый занимается своим делом.

— Ну да, конечно! Это одно и то же, — сказала Герцогиня, еще глубже вонзая в плечо Алисы свой маленький острый подбородок, — и мораль *отсюда*: «Позаботьтесь о смысле, а звуки позаботятся сами о себе».

«Как она любит везде находить мораль!» — подумала про себя Алиса.

— Смею сказать, что ты удивлена, почему я не обняла тебя за талию? — спросила после некоторого молчания Герцогиня. — Это потому, что характер твоего фламинго внушает мне сомнения. Могу я сделать опыт?

— Он может укусить, — осторожно заметила Алиса, не чувствуя особенного желания, чтобы опыт был произведен.

— Совершенно верно! — сказала Герцогиня. — Фламинго и горчица оба кусаются, и мораль отсюда: «Кто пернатый, тот крылатый».

— Но только горчица — не птица, — возразила Алиса.

— Правильно, по обыкновению, — сказала Герцогиня. — Как прекрасно ты во всем разбираешься!

— Это минерал, *я думаю*, — добавила Алиса.

— Конечно, это так, — подтвердила Герцогиня, которая, очевидно, была готова соглашаться со всем, что скажет Алиса. — Горчичные копи находятся совсем близко, и мораль отсюда: «Чем ближе от меня, тем дальше от тебя».

— О, я знаю! — воскликнула Алиса, не расслышавшая последнего замечания Герцогини. — Это растение. Она не похожа на него, но она — растение.

— Я совершенно согласна с тобой, — сказала Герцогиня, — и мораль отсюда: «Будь тем, чем кажешься», или можешь изложить это более просто: «Никогда не воображай себя иным, чем это может показаться другим, чтобы то, чем ты был или мог быть, было не чем иным, как то, чем ты был или мог показаться другим, будучи иным».

— Я думаю, что я поняла бы лучше, — очень вежливо заметила Алиса, — если бы написала это; но я совершенно не могу уследить за тем, что вы говорите.

— Это ничто в сравнении с тем, что я могла бы сказать, если бы захотела, — ответила Герцогиня снисходительным тоном.

— Прошу вас, не беспокойте себя еще более длинными фразами, чем эта, — сказала Алиса.

— О, не говори о беспокойстве! — возразила Герцогиня. — Я дарю тебе все, что сказала до сих пор.

«Дешевый подарок! — подумала Алиса. — Я очень рада, что в день рождения не преподносят таких подарков!» Но она не отважилась произнести это вслух.

— Опять задумалась? — спросила Герцогиня, снова вонзая ей в плечо свой острый подбородок.

— Я имею право думать! — резко ответила Алиса, так как все это стало ей немного надоедать.

— Ровно столько же права, — сказала Герцогиня, — сколько свиньи — летать и мор...

Но здесь, к величайшему изумлению Алисы, голос Герцогини замер ровно на середине ее любимого слова «мораль», и рука ее, которая была продета под мышку Алисы, начала дрожать. Алиса подняла глаза: перед ними стояла Королева со скрещенными руками, хмурая, как грозовая туча.

— Прекрасный день, ваше величество! — начала Герцогиня глухим, слабым голосом.

— Ну, я решительно предупреждаю тебя, — бешено закричала Королева, при этих словах топая ногой: — или ты, или твоя голова — долой! И это меньше чем в полминуты! Делай выбор!

Герцогиня сделала выбор и исчезла в один миг.

— Продолжай игру! — приказала Королева Алисе.

И Алиса была так испугана, что не осмелилась промолвить ни слова и медленно последовала за ней к крокетной площадке.

Гости воспользовались не без выгоды для себя отсутствием Королевы и отдыхали в тени. Однако в тот же миг, как показалась Королева, они поспешно занялись игрой. Королева только мимоходом заметила, что секунда промедления будет стоить виновным жизни...

В течение всей игры Королева ни на минуту не переставала ссориться с другими игроками и то

и дело орала: «Долой ему голову!» или «Долой ей голову!» Тех, кого она приговаривала к смерти, сейчас же брали под караул солдаты, которые, разумеется, чтобы проделать это, переставали быть «воротами». Так что через полчаса или около того совершенно не осталось ворот, и все игроки, за исключением Короля, Королевы и Алисы, были взяты под стражу и приговорены к казни.

Королева наконец прекратила это занятие и, совершенно запыхавшись, сказала Алисе:

См. стр. 258

— Ты еще не видела Мок-Тартля — Фальшивой Черепахи?

— Нет, — ответила Алиса. — Я даже не знаю, кто такой Мок-Тартль — Фальшивая Черепаха!

— Это то, с чем делают суп из Телячьей Головки, — объяснила Королева.

— Я никогда не видела его и не слышала о нем, — ответила Алиса.

— Тогда идем, — приказала Королева, — и он расскажет тебе свою историю.

Когда они уходили вместе, Алиса услышала, как Король тихо сказал всему обществу:

— Вы прощены!

«Вот *это* хорошо!» — подумала Алиса, потому что она чувствовала себя очень несчастной, видя такое множество осужденных Королевой на казнь.

Вскоре они подошли к Грифону, который крепко спал на солнечном припеке. (Если вы не знаете, кто такой Грифон, то посмотрите на картинку.)

— Встань, лентяй, — сказала Королева, — и помоги этой молодой леди увидеть Мок-Тартля и услышать его историю. Я же должна вернуться и присутствовать при исполнении назначенных мною казней. — И она ушла, оставив Алису вдвоем с Грифоном.

Наружность его не особенно понравилась Алисе, но она решила, что последовать за свирепой Королевой нисколько не безопасней, чем остаться с Грифоном; поэтому она осталась.

Грифон приподнялся и протер глаза. Он смотрел вслед Королеве, пока она не скрылась из виду, затем тихо засмеялся.

— Потеха! — сказал Грифон наполовину самому себе, наполовину Алисе.

— *Что* — потеха? — спросила Алиса.

— Она, конечно, — сказал Грифон. — Это все ее выдумки: тут, знаешь ли, никогда никого не казнят. Идем!

«Каждый здесь говорит: «Идем!» — думала Алиса, медленно идя за Грифоном. — Мне никогда столько не приказывали за всю мою жизнь, никогда!»

Не успели они немного отойти, как увидели в отдалении Мок-Тартля — Фальшивую Черепаху, который печально и одиноко сидел на обломке скалы. Когда они подошли ближе, Алиса услышала как он вздохнул, словно сердце его было разбито. Она глубоко ему посочувствовала.

— Отчего он тоскует? — спросила она Грифона

И Грифон ответил почти теми же словами, что и раньше:

— Это все его выдумки: у него, знаешь ли, нет никакого горя. Идем!

Так они подошли к Мок-Тартлю — Фальшивой Черепахе, который посмотрел на них большими глазами, полными слез, но ничего не сказал.

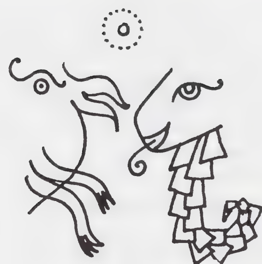
— Вот эта молодая леди, — произнес Грифон, — очень хочет узнать твою историю.

— Я расскажу ее, — сказал Мок-Тартль глухим, безнадежным тоном. — Садитесь оба и не говорите ни слова до тех пор, пока я не кончу!

Они сели, и никто в течение нескольких минут не произносил ни слова. Алиса подумала про себя: «Не вижу, каким образом он *когда-нибудь* сможет кончить, раз он даже и не начинал». Но она терпеливо ждала.

— Когда-то, — сказал наконец Мок-Тартль — Фальшивая Черепаха с глубоким вздохом, — я действительно был настоящей Черепахой.

За этими словами наступило продолжительное молчание, нарушаемое только отрывистыми восклицаниями: «Г-х-к-к-р-р-х!» Грифона и рыданиями Мок-Тартля. Алиса уже готова была подняться и

сказать: «Благодарю вас, сэр, за вашу весьма интересную историю».

Однако она еще не потеряла надежды: *должно* же последовать за этим нечто большее. Поэтому Алиса тихо сидела и не говорила ничего.

— Когда мы были маленькими, — продолжал Мок-Тартль более спокойно, хотя он время от времени продолжал слегка всхлипывать, — мы ходили в морскую школу. Старая Черепаха была нашим учителем. Мы обыкновенно называли его Римской Черепахой...

— Почему вы называли его Римской Черепахой, если он не был ею? — спросила Алиса.

— Потому что он был самой древней из черепах и набивал трухою наши черепа! — ответил Мок-Тартль сердито. — Поистине ты очень невежественна!

— Стыдись задавать такие простые вопросы! — добавил Грифон, и затем они долго сидели молча и смотрели на бедную Алису, которая готова была провалиться сквозь землю.

Наконец Грифон сказал Мок-Тартлю — Фальшивой Черепахе:

— Поторапливайся, старина! Не растягивай свою историю на целый день!

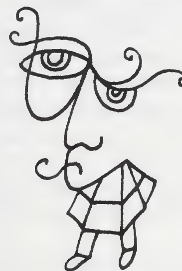
И Мок-Тартль продолжал, начав теми же словами:

— Да, мы ходили в морскую школу, хотя ты можешь не верить этому...

— Я вовсе не говорила, что не верю! — прервала Алиса.

— Нет, говорила, — возразил Мок-Тартль.

— Придержи язык! — добавил Грифон, прежде чем Алиса могла заговорить опять.

Мок-Тартль продолжал:

См. стр. 277

— Мы получили самое лучшее образование. Действительно, мы ходили в школу ежедневно...

— Я *тоже* училась в ежедневной школе, — сказала Алиса. — Вам нет надобности слишком гордиться этим.

— С необязательными предметами? — спросил Мок-Тартль, немного обеспокоенный.

— Да, — ответила Алиса, — нас учили французскому языку и музыке.

— И стирке? — сказал Мок-Тартль.

— Конечно, нет! — ответила Алиса с негодованием.

— А! В таком случае, твоя школа была не очень-то хорошей! — с большим облегчением воскликнул Мок-Тартль. — *В нашей* в конце программы стояло: «Французский, музыка *и стирка* — не обязательно».

— Едва ли вы так уж нуждались в стирке, — сказала Алиса, — раз вы жили на дне моря.

— Мои средства не позволяли мне учиться необязательным предметам, — сказал Мок-Тартль, вздыхая. — Я мог только пройти постоянный курс.

— Чему же вас учили? — спросила Алиса.

— Сначала — чихать и плясать, конечно, — ответил Мок-Тартль, — затем четырем правилам арифметики: Сквожению, Почитанию, Угождению и Давлению.

— Я никогда не слышала о «сквожении», — осмелилась сказать Алиса. — Что это такое?

В изумлении Грифон поднял обе лапы.

— Никогда не слышала, что значит «сквожение»! — воскликнул он. — Ты знаешь, что такое «скольжение», я полагаю?

— Да, — неуверенно сказала Алиса. — Это значит — что-то... становится чересчур... скользким...

— Ну, тогда, если ты не знаешь, что такое «сквожение», ты — простачка!

Обескураженная Алиса потеряла всякое желание задавать дальше вопросы на эту тему и, обратившись к Мок-Тартлю — Фальшивой Черепахе, спросила:

— Чему же еще вас учили?

— Ну, там была Гастрономия... — ответил Мок-Тартль, считая предметы взмахами своих ластов. — Гастрономия, древняя и новая, с Мореграфией. Затем Верчение. Учителем Верчения был старый Морской Угорь, который обыкновенно приходил раз в неделю: *он* учил нас Верчению, Выпрямлению и Свертыванию в Кольца.

— На что *это* было похоже? — спросила Алиса.

— Ну, сам я не могу показать этого, — ответил Мок-Тартль. — Я недостаточно гибкий. А Грифон никогда этого не учил.

— Не было времени, — сказал Грифон. — Но все же я ходил к Учителю-Классику. Это был *очень* старый краб.

— Я никогда не учился у него, — произнес со вздохом Мок-Тартль. — Он преподавал Латунь и Жреческий, как помнится.

— Совершенно верно, совершенно верно, — сказал Грифон, вздыхая, в свою очередь, и оба создания спрятали свои лица в лапы.

— И сколько часов в день вы занимались? — спросила Алиса, спеша переменить разговор.

— Десять часов в первый день, — ответил Мок-Тартль, — девять — в следующий и так далее.

— Вот странное расписание! — воскликнула Алиса.

— Потому-то курс и назывался постоянным, — заметил Грифон. — Число уроков *постоянно уменьшалось* изо дня в день...

Эта мысль была для Алисы совершенно новой, и ей пришлось немного обдумать ее, прежде чем сделать следующее замечание:

— В таком случае, на одиннадцатый день должен был быть праздник?

— Конечно, так оно и было! — сказал Мок-Тартль — Фальшивая Черепаха.

— А чем же вы занимались на двенадцатый день? — живо продолжала Алиса.

— Достаточно об уроках! — прервал Грифон решительным тоном. — Расскажи ей теперь что-нибудь об играх!

Глава X

КАДРИЛЬ ОМАРОВ

МОК-ТАРТЛЬ — Фальшивая Черепаха глубоко вздохнул и прикрыл глаза обратной стороной одного из своих ластов. Он смотрел на Алису и пытался говорить, но в течение минуты или двух его голос прерывался рыданиями.

— Похоже, что у него в горле застряла кость! — сказал Грифон и принялся встряхивать его и колотить в спину.

Наконец к Мок-Тартлю снова вернулся дар речи, и, обливаясь слезами, потоком стекающими с его щек, он продолжал снова:

— Может быть, тебе не приходилось долго жить на дне моря («Совсем не приходилось», — сказала

Алиса)... и, возможно, ты никогда не была даже представлена Омару... (Алиса начала было: «Я однажды пробовала...», но поспешно остановилась и сказала: «Никогда!»)... тогда ты не имеешь никакого понятия, какая восхитительная вещь Кадриль Омаров!

— Нет, в самом деле, — сказала Алиса. — Что это за танец?

— Ну, — ответил Грифон, — сначала вы выстраиваетесь в линию вдоль морского берега...

— В две линии! — вскричал Мок-Тартль — Фальшивая Черепаха. — Тюлени, черепахи и тому подобное... Затем вы очищаете берег от медуз...

— *Это*, конечно, отнимает некоторое время, — прервал Грифон.

— ... вы делаете два шага вперед...

— Каждый с омаром в качестве партнера! — воскликнул Грифон.

— Правильно, — сказал Мок-Тартль, — делаете два шага, сходитесь с партнером...

— ...меняете омаров и отступаете в том же порядке, — продолжал Грифон.

— Затем, знаете ли, — продолжал Мок-Тартль — Фальшивая Черепаха, — вы швыряете о...

— Омаров! — завопил Грифон, делая прыжок в воздух.

— ...так далеко, как только можете...

— Плывете вслед за ними! — взвизгнул Грифон.

— Кувыркаетесь в море спиною вперед, через голову! — воскликнул Мок-Тартль, бешено прыгая в разные стороны.

— Опять меняете омаров! — пронзительно закричал Грифон.

— Снова назад, к берегу, и это вся первая фигура, — сказал Мок-Тартль внезапно упавшим голосом.

И вот оба создания, которые до сих пор скакали туда и сюда как сумасшедшие, снова сидели на земле, грустные и тихие, и смотрели на Алису.

— Это, должно быть, превосходный танец, — робко сказала Алиса.

— Хочешь немного посмотреть на него? — спросил Мок-Тартль.

— Очень хочу, — ответила Алиса.

— Ну, в таком случае, попробуем первую фигуру! — сказал Мок-Тартль — Фальшивая Черепаха Грифону. — Мы можем, знаешь ли, сделать это без омаров. Кто будет петь?

— О, пой ты! — сказал Грифон. — Я забыл слова.

Тут они начали торжественно танцевать вокруг Алисы, время от времени наступая ей на кончики пальцев, когда проходили слишком близко, и отбивая передними лапами такт. Между тем Мок-Тартль, пел очень медленно и печально:

ГОВОРИТ Мерлан Улитке:
«Не пройти ли нам вперед,

А не то морская свинка
хвост совсем мне оторвет!

Посмотри, как резво скачут,
где прибоя полоса,

Черепахи и омары.
Хочешь с ними поплясать?

Хочешь, можешь, хочешь, можешь,
хочешь поплясать,

Можешь, хочешь, можешь, хочешь,
можешь поплясать?

Очень весело кружиться
с ними в танце день и ночь!

Нас они хватают ловко
и бросают в море прочь!»

Но Улитка отказалась:
«Даль какая!» и, коса

Глазом на море, сказала,
что в воде плясать нельзя,

Что не может, что не хочет,
что не может поплясать,

Что не хочет, что не может,
что не хочет поплясать.

Ей друг чешуйчатый твердит:
«Станцуем же хоть раз!

Над нами буря пролетит,
и берег встретит нас!

Пусть Англия исчезла:,
там — Франция опять...

Так не бледней! Скорей, скорей
в морских волнах плясать!

Хочешь, можешь, хочешь, можешь,
хочешь поплясать,

Можешь, хочешь, можешь, хочешь,
можешь поплясать!»

— Благодарю вас, было очень интересно смотреть на этот танец, — сказала Алиса, чувствуя большую радость, что он наконец окончен. — И мне так понравилась забавная песня о Мерлане!

— О, что касается мерланов, — сказал Мок-Тартль — Фальшивая Черепаха, — они... Ты видела их, конечно?

— Да, — ответила Алиса, — я часто видела их за обе...— Тут она поспешно остановилась.

— Я не знаю, где находится это «Обе», — сказал Мок-Тартль, — но если ты видела их так часто, ты, конечно, знаешь, на что они похожи.

— Я думаю, да, — ответила Алиса, погруженная в глубокие размышления. — Они держат хвосты во рту, и сами они посыпаны сухарями.

— Что касается сухарей, — ты ошибаешься, — сказал Мок-Тартль. — В море сухари были бы смыты. Но они действительно *держат* хвосты во рту, и причина этого та...— Тут Мок-Тартль зевнул и закрыл глаза. — Расскажи ей о причине этого и обо всем остальном, — сказал он Грифону.

— Причина в том, — сказал Грифон, — что они *танцевали* с омарами. Что их вышвырнули из моря. Что они, падая, пролетели большое расстояние. Поэтому хвосты у них прочно застряли во рту. Поэтому они не могут их вытащить обратно. Это — все.

— Благодарю вас, — сказала Алиса. — Это очень интересно. Я никогда прежде не знала столько о мерланах.

— Я, если хочешь, могу рассказать тебе и о других рыбах, — предложил Грифон. — Знаешь ли ты, почему белуга называется «белуга»?

— Я никогда не думала об этом, — ответила Алиса. — Почему же?

— *Это относится к ботинкам и башмакам*, — очень важно произнес Грифон.

Алиса была совершенно поражена.

— Относится к ботинкам и башмакам? — повторила она с удивлением.

— Ну да. Что сделали *с твоими* башмаками? — спросил Грифон. — Я хочу сказать: отчего они такие черные и блестящие?

Алиса посмотрела на свои башмаки и немного подумала, прежде чем ответить:

— Их чернят ваксой, я полагаю.

— Ну, а на дне моря ботинки и башмаки, — продолжал Грифон проникновенным голосом, — белят белугой. Теперь ты знаешь!

— И кто же этим занимается там? — спросила Алиса с величайшим любопытством.

— Камбалы и угри, конечно, — начиная терять терпение, ответил Грифон. — Любая креветка может тебе объяснить это!

— Если бы я была мерланом, — заметила Алиса, которая все еще думала о песне, — я предложила бы морской свинке: «Отойдите подальше, пожалуйста, мы в *вас* не нуждаемся!»

— Ни одна рыба не обходится без морской свинки, — сказал Мок-Тартль — Фальшивая Черепаха. — Они *всегда* при мерланах.

— Неужели всегда? — воскликнула Алиса с большим изумлением.

— Ну да, конечно, — сказал Мок-Тартль. — На дне моря сыро и холодно, Поэтому у них постоянно свинка.

— Имеете ли вы в виду свинку или морскую свинку? — сказала Алиса.

— Я имею в виду то, о чем говорю, — ответил Мок-Тартль оскорбленным тоном.

И Грифон добавил:

— Стой, теперь мы послушаем рассказ о твоих приключениях.

— Я могу рассказать о моих приключениях, только начиная с этого утра, — возразила Алиса немного робко, — но нет смысла возвращаться к тому, что произошло вчера, так как тогда я была совершенно другим лицом.

— Объясни все это! — потребовал Мок-Тартль.

— Нет-нет! Приключения сначала! — воскликнул Грифон нетерпеливо. — Объяснения отнимают ужасно много времени.

И вот Алиса начала рассказывать им свои приключения с той минуты, когда она впервые заметила Белого Кролика. Сначала она немного нервничала, видя так близко от себя эти два создания, по одному с каждой стороны, причем они открыли свои глаза и рты *слишком* широко, но постепенно к ней возвращалась храбрость. Ее слушатели сохраняли полное молчание, пока она не дошла до той части рассказа, где произносит перед Гусеницей: *«Ты стар, отец Вильям»*, и все слова получаются наоборот. Тут Мок-Тартль — Фальшивая Черепаха испустил протяжный вздох и сказал:

— Очень любопытно!

— Чрезвычайно любопытно! — подтвердил Грифон.

— Все получалось наоборот! — повторил Мок-Тартль глубокомысленно. — Пусть она сейчас прочитает что-нибудь наизусть. Скажи, чтобы она начинала! — Он посмотрел на Грифона так, как будто был уверен, что тот имеет некоторую власть над Алисой.

— Встань и прочитай: *«Это голос лентяя»*, — приказал Грифон.

«Как мне надоело, что все эти создания командуют другими и заставляют отвечать уроки! — подумала Алиса. — Я с таким же успехом могла бы сейчас находиться в школе!»

Все-таки она встала и начала повторять стихи, но ее голова была еще полна Кадрилью Омаров, и Алиса с трудом понимала сама себя. В самом деле, слова звучали очень странно:

ЭТО голос Омара. Он мне говорит:
Я коричневым стал — жарко печка горит.
Вынь меня из огня, умоляю тебя,
И сахаром мелким я припудрю себя!»
Как ресницами утка, так носом Омар
С пуговиц снял печную золу и нагар.
Пояс почистил, кверху приподнял носки,
Пяткой притопнул: шаги его так легки!
Если море далёко, песок обнажен, —
Над акулой смеется презрительно он.
Но волны бегут, акулы снуют вокруг,
И в тоне его слышится сильный испуг.

— Это совершенно не то, что я привык декламировать, когда был ребенком, — сказал Грифон.

— Ну, я никогда прежде не слышал чего-нибудь похожего, — сказал Мок-Тартль, — и звучит это необычайно бессмысленно!

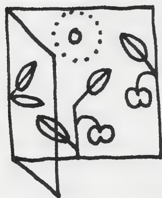
Алиса не сказала ничего, она села на землю, спрятав лицо и ладони и размышляя, может ли *вообще* хоть что-нибудь снова произойти обыкновенным образом.

— Я хотел бы, чтобы она объяснила это, — заметил Мок-Тартль.

— Она не может ничего объяснить, — поспешно возразил Грифон. — Начинай следующее стихотворение!

— Но относительно его носков? — настаивал Мок-Тартль. — Как он, знаете ли, мог приподымать их кверху своим носом?

— Это первая позиция танца, — сказала Алиса. Вообще же она была ужасно удручена всем происшедшим и очень хотела бы переменить разговор.

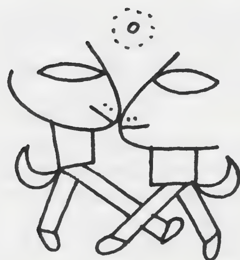

— Читай следующее стихотворение, — повторил Грифон. — Оно начинается так: *«Я шел мимо сада...»*

Алиса не осмелилась противоречить, хотя ясно чувствовала, что все оно, от первой строчки до конца, будет прочитано неправильно, и начала дрожащим голосом:

Я ШЕЛ мимо сада, и видеть я мог:
Сова и Пантера делили пирог.
Пантере достались — был счет тут простой —
Начинка, и тесто, и соус густой,
А блюдо пустое Сове вручено
(Хотя не пирог и не соус оно!).
Сова получила на память как гость
Столовую ложку и старую кость.
Пантера усы облизнула: «Ну что ж!» —
И тотчас схватила и вилку и нож.
И сад огласили рычанье и вой:
Пантера закончила завтрак...

— *Что* за смысл читать весь этот вздор, — прервал Мок-Тартль, — раз ты не можешь его объяснить? Это безусловно самая нелепая вещь, которую я когда-либо слышал!

— Да и я думаю, что тебе лучше перестать, — сказал Грифон, и Алиса была лишь рада послушаться.

— Не попробовать ли нам еще одну фигуру Кадрили Омаров? — предложил Грифон. — Или ты предпочитаешь, чтобы Мок-Тартль спел тебе другую песню?

— О, пожалуйста, песню, если Мок-Тартль будет настолько любезен! — попросила Алиса так горячо, что Грифон сказал довольно обиженным тоном:

— Гм! О вкусах не спорят, конечно! Спой ей *«Черепаховый Суп»*, если хочешь, старина!

Мок-Тартль — Фальшивая Черепаха глубоко вздохнул и начал петь голосом, прерываемым рыданиями:

ПРЕКРАСНЫЙ суп в столовой ждет.
Из миски жирный пар идет.
Не любит супа тот, кто глуп!
Прекрасный суп, вечерний Суп!

Прекрасный суп, вечерний Суп!
Прекра-сный Су-уп!
Прекра-а-сный Су-уп!
Су-уп ве-е-черний,

Прекрасный, прекрасный Суп!
Прекрасный суп, все знают тут,
Что это — лучшее из блюд.
Что дичь и даже колбасу
Прекрасный заменяет суп.

Прекра-сный Су-уп!
Прекра-сный Су-уп!
Су-уп ве-е-черний,
Прекрасный, ПРЕКРА-А-СНЫЙ СУП!

— Снова припев! — закричал Грифон, и Мок-Тартль только хотел повторить его, как в отдалении послышался возглас:

— Суд начинается!

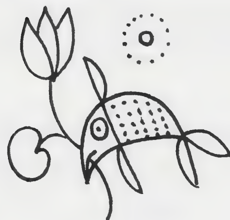
— Идем! — воскликнул Грифон и, взяв Алису за руку, помчался, не дожидаясь окончания песни.

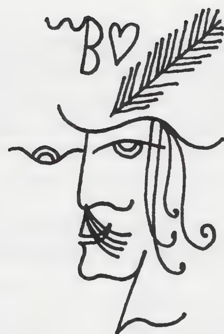
— Что это за суд? — задыхаясь, спросила Алиса на бегу.

Но Грифон только ответил:

— Идем! — и побежал еще быстрее, в то время как все слабей и слабей доносились с попутным легким ветром полные меланхолии слова песни:

Су-уп ве-е-черний,
Прекрасный, прекрасный Суп!

Глава XI

КТО УКРАЛ КЕКСЫ?

КОГДА они прибыли к месту суда, Король и Королева Червей уже сидели на тронах. Их окружала огромная толпа — маленькие птицы и зверьки всех пород и целая колода карт. Перед ними стоял Валет, в цепях, с караульными солдатами по бокам. Возле Короля находился Белый Кролик, с трубой в одной руке и свитком пергамента в другой. В самом центре судилища бросался в глаза стол с большим блюдом кексов на нем. Они выглядели такими вкусными, что при виде их Алиса

О Валете см. стр. 284

почувствовала настоящий голод. «Хорошо было бы, если бы суд закончился поскорее, — думала она, — и раздали бы угощенье». Но, кажется, надежды на это не было. Поэтому, чтобы хоть чем-нибудь занять время, она начала рассматривать все вокруг.

Алиса раньше никогда не была на суде, но она читала о судах в книгах и с большим удовольствием убедилась, что может точно назвать все, что видит здесь.

«Это судья, — сказала она себе, — потому что на нем большой парик».

Судьей, кстати, был сам Король. И так как он надел корону поверх па-рика (посмотрите на картинку, если хотите знать, как он это сделал), то имел очень стесненный вид, что, конечно, было неприлично.

«А вот там — скамья присяжных, — думала Алиса, — и те двенадцать созданий (она принуждена была сказать «созданий», видите ли, потому, что некоторые из них были зверьками, а некоторые — птицами), я полагаю, — присяжные».

Она повторила про себя последнее слово три раза, очень гордясь им, так как думала — и совершенно правильно, — что только очень не многим маленьким девочкам вообще знаком его смысл.

Однако слово «присяжные» подходило бы к ним так же хорошо, как и «заседатели».

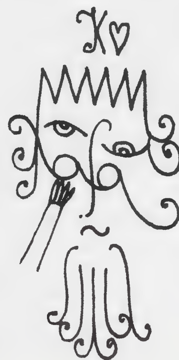
Все двенадцать присяжных заседателей старательно писали что-то на грифельных досках.

— Что они делают? — спросила шепотом Алиса у Грифона. — Ведь им нечего записывать, пока не начнется суд.

— Они записывают свои имена, — так же шепотом ответил Грифон, — из боязни, что могут забыть их до окончания суда.

— Глупые создания!.. — начала громко Алиса негодующим голосом, но поспешно остановилась, так как Белый Кролик закричал:

— Молчать в судебном зале!

Король надел очки и стал внимательно смотреть вокруг, чтобы увидеть, кто это разговаривает.

Алиса сумела разобрать (насколько ей позволяло то, что она смотрела через плечи присяжных заседателей), что все они написали на своих грифельных досках: «Глупые создания!» — и она успела даже заметить, что один из них не знал, как написать «глупые», и попросил соседа помочь ему.

«Ну и милая путаница будет на их грифельных досках, прежде чем закончится суд!» — подумала Алиса.

У одного присяжного заседателя грифель пронзительно скрипел. Этого, конечно, Алиса не могла вынести. Она обошла кругом зала суда, стала за спиной присяжного и, скоро улучив удобный момент, выхватила у него грифель. Она действовала так быстро, что бедный маленький присяжный (это был Билль-Ящерица) так и не смог сообразить, что случилось с грифелем.

После того как он безуспешно обшарил все вблизи, отыскивая его, Билль-Ящерица был вынужден до конца дня писать одним из пальцев, от чего было очень мало толку, так как палец не оставлял следов на доске.

— Герольд, огласи обвинительный акт! — приказал Король.

При этих словах Белый Кролик протрубил три раза в трубу, затем развернул пергаментный свиток и прочел следующее:

СЛУЧИЛОСЬ к балу кексы печь
Червонной Королеве.
Она — к столу, и снова в печь
Глядит: печенья, где вы?

Был краток счастья сладкий миг,
И кексов жалко очень:
Валет Червонный, выкрав их,
Исчез во мраке ночи!

— Обдумайте ваше решение! — сказал Король, обращаясь к присяжным.

— Не сейчас, не сейчас! — поспешно прервал его Кролик. — Перед тем еще будет много дела!

— Вызвать первого свидетеля, — сказал Король.

Белый Кролик трижды протрубил в трубу и провозгласил:

— Первый свидетель!

Первым свидетелем был Шляпочник. Он вошел с чашкой чаю в одной руке и с бутербродом — в другой.

— Прошу прощенья, ваше величество, — начал он, — что я принес с собой это, но я еще не кончил пить чай, когда меня вызвали.

— Ты должен был кончить, — сказал Король. — Когда ты начал?

Шляпочник посмотрел на Мартовского Зайца, который сопровождал его в суд под руку с Орешниковой Соней.

— Это было четырнадцатого марта, *я думаю*, — сказал он.

— Пятнадцатого, — сказал Мартовский Заяц.

— Шестнадцатого, — сказала Соня.

— Запишите, — сказал Король присяжным.

Присяжные торжественно записали на грифельных досках все три числа, сложили их вместе и превратили сумму в шиллинги и пенсы.

— Сними свою шляпу! — приказал Король Шляпочнику.

— Это не моя шляпа, — ответил Шляпочник.

— *Краденая!* — воскликнул Король, обращаясь к присяжным, которые немедленно отметили это у себя на досках.

— Я держу их для продажи, — пояснил Шляпочник, — и вовсе не имею собственной. Я — шляпочник.

Тут Королева надела очки и начала гневно таращить глаза на Шляпочника, который при этом побледнел и беспокойно завертелся на месте.

— Давай твои показания, — сказал Король, — и не нервничай, или я прикажу казнить тебя здесь же!

Это, очевидно, совсем не придало храбрости свидетелю: он стоял, переминаясь с ноги на ногу и со страхом глядя на Королеву. От волнения он отгрыз большой кусок чашки, спутав ее с бутербродом.

В эту минуту Алиса почувствовала себя очень странно. Она долго не могла понять, что же такое с ней случилось, пока не догадалась: она опять стала увеличиваться в росте. Сначала Алиса подумала, что должна встать и покинуть суд. Но после короткого

размышления она решила оставаться, где была, до тех пор, пока здесь достаточно для нее места.

— Я хотела бы, чтобы ты не давила на меня так сильно, — сказала Соня, которая сидела рядом с ней. — Я едва могу дышать.

— Ничего нельзя поделать, — печально вздохнула Алиса: — я расту.

— Ты не имеешь права расти *здесь*, — возразила Соня.

— Не говорите чепухи! — сказала Алиса, расхрабрившись. — Знаете, вы тоже растете!

— Да, но я расту с разумной постепенностью, — ответила Соня, — а не таким невероятным образом! — И она встала, надувшись, и перешла на другую сторону судебного зала.

Тем временем Королева ни на секунду не переставала таращить глаза на Шляпочника, и как раз, когда Соня переходила через зал, она сказала судебному приставу:

— Принеси мне список певших на последнем концерте! — причем злополучный Шляпочник так затрясся, что с его ног слетели оба башмака.

— Давай твои показания! — повторил сердито Король. — Или я прикажу тебя казнить, все равно — нервничаешь ты или нет.

— Я бедный человек, ваше величество, — заговорил Шляпочник дрожащим голосом, — и я начал пить мой чай не дальше как неделю тому назад или около этого... и не то бутерброд стал делаться тоньше... не то чашка чая...

— Чашка *чего*? — спросил Король.

— Это *началось* с ча... — попытался объяснить Шляпочник.

— Конечно, чашка начинается с «ча»! — резко оборвал его Король. — Не принимаешь ли ты меня за тупицу? Дальше!

— Я бедный человек, — продолжал Шляпочник, — и каждая вещь кажется чашкой чая после всего этого... Только Мартовский Заяц сказал...

— Я не говорил! — с большой поспешностью прервал его Мартовский Заяц.

— Ты сказал! — возразил Шляпочник.

— Я отрицаю! — повторил Мартовский Заяц.

— Он отрицает, — сказал Король. — Пропустим эту часть показаний.

— Ну, во всяком случае, Соня сказала, — продолжал Шляпочник, беспокойно оглядываясь, чтобы убедиться, не станет ли она также отрицать это.

Но Соня ничего не ответила — она крепко спала.

— Потом, — продолжал Шляпочник, — я намазал маслом кусок хлеба...

— Но что сказала Соня? — спросил один из присяжных.

— Этого-то я и не могу вспомнить, — сказал Шляпочник.

— Ты *должен* вспомнить, — заметил Король, — или я прикажу тебя казнить!

Несчастный Шляпочник уронил чашку и бутерброд и стал на одно колено.

— Я слабый человек, ваше величество... — начал он, — я...

— Ты *очень* слабый *оратор*, — сказал Король.

Тут одна из морских свинок принялась аплодировать, но ее попытка была немедленно «подавлена» приставами. (Так как это немного трудное слово, я вам объясню сейчас, как все было сделано. Они взяли большой парусиновый мешок, отверстие которого завязывалось шнурками, засунули туда свинку вниз головой и затем сели на нее.)

«Я рада, что увидела, как это делается, — подумала Алиса. — Я так часто читала в газетах в конце судебных отчетов: «Имели место некоторые попытки аплодировать, но, однако, они были немедленно подавлены судебной полицией», но до сих пор я не понимала, что это значит».

— Если это все, что ты знаешь, ты можешь встать, — продолжал Король.

— Я не могу встать, — возразил Шляпочник, — потому что я и так стою.

— В таком случае, ты можешь *сесть*, — сказал Король.

Тут зааплодировала другая морская свинка и тоже была «подавлена».

«Ну, с морскими свинками покончено! — сказала себе Алиса. — Теперь дело пойдет быстрее».

— Я бы предпочел покончить со своим чаем, — произнес Шляпочник, с беспокойством глядя на Королеву, которая читала список певцов.

— Ты можешь идти, — объявил Король.

И Шляпочник торопливо покинул суд, даже не задержавшись, чтобы надеть башмаки.

— И сейчас же снести ему голову там, за дверями! — добавила Королева, обращаясь к одному из судебных приставов.

Но Шляпочник скрылся из виду раньше, чем судебный пристав успел подойти к дверям.

— Вызвать следующего свидетеля! — приказал Король.

Следующим свидетелем была Кухарка Герцогини. Она держала в руке перечницу, и Алиса догадалась, кто это был, еще прежде чем она вошла в зал суда, потому что стоявшие близко у дверей зачихали все сразу.

— Дай твои показания! — сказал Король.

— Не дам! — ответила Кухарка.

Король озабоченно посмотрел на Белого Кролика, и тот тихо сказал:

— Ваше величество должны подвергнуть *этого* свидетеля перекрестному допросу.

— Ну, раз должен, так должен, — ответил с меланхолическим видом Король и, скрестив руки и до такой степени нахмурив брови, что глаза его почти исчезли, он долго смотрел на Кухарку и за-тем произнес глухим голосом: — Из чего делаются кексы?

— Из перца главным образом, — сказала Кухарка.

— Из патоки, — послышался сонный голос позади нее.

— За шиворот Соню! — завопила Королева. — Обезглавить эту Соню! Гнать Соню из зала суда! Подавить ее! Щипать ее! Долой ей бакенбарды!

Несколько минут, пока выгоняли Соню, весь суд находился в смятении, и, когда спустя некоторое время заседание суда возобновилось, Кухарка исчезла.

— Ничего не значит! — воскликнул Король с большим облегчением. — Вызвать следующего свидетеля! — И он добавил в сторону Королевы: —

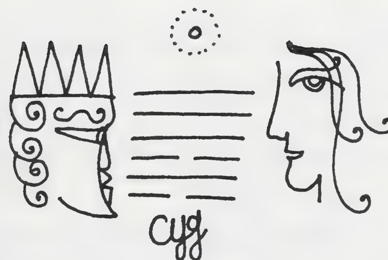
Право, моя дорогая, *вы* должны подвергнуть перекрестному допросу следующего свидетеля: у меня от этого голова трещит!

Алиса видела, как Белый Кролик вертел в руках список, и испытывала сильнейшее желание узнать, кем окажется следующий свидетель, «... так как они получили не очень-то много показаний... *пока*», — сказала она про себя. Вообразите ее изумление, когда Белый Кролик возгласил на самых высоких нотах своего пронзительного маленького голоса имя:

Про Суд см. стр. 288

— Алиса!

Глава XII

ПОКАЗАНИЯ АЛИСЫ

— ЗДЕСЬ! — крикнула Алиса, от волнения забыв в этот момент, как сильно она уже выросла. Она вскочила так стремительно, что краем своей юбки задела скамью присяжных и уронила ее. Все присяжные заседатели свалились на головы публики, находившейся внизу, и барахтались на полу, очень напоминая ей аквариум с золотыми рыбками, который она случайно опрокинула неделю тому назад.

— *О, прошу* прощенья! — воскликнула она, ужасно смутившись, и принялась поднимать заседателей с наивозможной быстротой, так как ей очень живо припомнился случай с золотыми рыб-

ками, и у нее сохранилось смутное представление о том, что их надо немедленно подобрать и посадить на скамью присяжных, иначе они умрут.

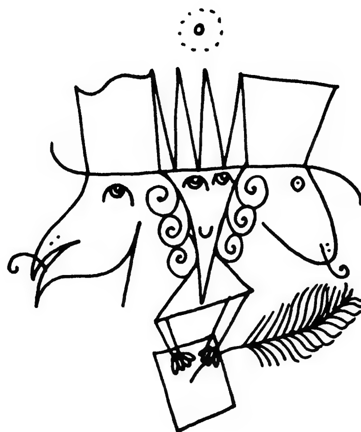
— Суд не может продолжаться, — сказал Король очень торжественно, — до тех пор, пока все присяжные заседатели не вернутся на свои места — *все!* — закончил он с сильным ударением, сурово глядя на Алису.

Алиса посмотрела на скамью присяжных и увидела, что второпях она поставила Ящерицу вниз головой, и бедное маленькое существо помахивало хвостом туда и сюда самым меланхолическим образом, не имея никакой возможности перевернуться. Алиса тотчас же вытащила Ящерицу и снова поставила, на этот раз правильно.

«Впрочем, это ничего не значит, — сказала она себе. — Я смею думать, что, будь она вверх или вниз ногами, пользы для суда *одинаково* мало».

Как только грифельные доски и грифели были разысканы и возвращены кому следует и присяжные заседатели немного пришли в себя от потрясения, вызванного недавней катастрофой, они усердно принялись записывать историю происшествия. Исключение составляла Ящерица, которая, по-видимому, была настолько ошеломлена случившимся, что ничего не могла делать и только сидела с открытым ртом, уставившись в потолок судебного зала.

— Что ты знаешь об этом деле? — спросил Алису Король.

— Ничего! — сказала Алиса.

— Ничего *чего-нибудь?* — настаивал Король.

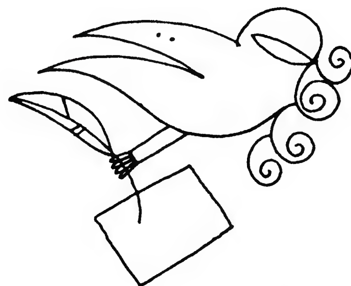
— Ничего чего-нибудь! — повторила Алиса.

— Это очень важно, — сказал Король, обращаясь к присяжным.

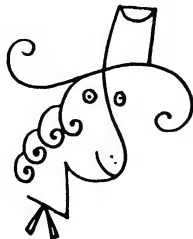
Только они начали записывать его слова на своих грифельных досках, как их прервал Белый Кролик:

— *Не* важно, хотели вы сказать, несомненно, ваше величество, — поправил он очень почтительным тоном, но хмурясь и делая Королю гримасы.

— Не важно, конечно. Именно это я и хотел сказать, — поспешно согласился Король и стал повторять про себя вполголоса: — Важно — не важно — не важно — важно, — как будто он пробовал выяснить, какое слово звучит лучше.

ЭТО ОЧЕНЬ ВАЖНО
!!!

Одни из присяжных записали: «Важно», а другие — «Не важно». Алиса могла заметить это, так как сидела достаточно близко, чтобы видеть их грифельные доски.

«Впрочем, это не имеет ни малейшего значения», — про себя подумала она.

Тут Король, который в течение некоторого времени старательно записывал что-то в свою памятную книжку, закричал:

— Молчать! — и прочитал по книжке: — «Правило Сорок Второе. *Всем лицам больше чем с милю ростом покинуть суд»:*

— Я — не с милю ростом, — сказала Алиса.

— Нет, с милю, — возразил Король.

— Около двух миль ростом, — добавила Королева.

— Ну, я, во всяком случае, не выйду, — сказала Алиса. — Кроме того, это не постоянное правило: вы придумали его только сейчас.

— Это самое старое правило в книге, — заявил Король.

— Тогда оно должно было бы быть Правило Номер Первый, — возразила Алиса.

Король побледнел и быстро захлопнул памятную книжку.

— Обдумайте свое решение, — сказал он присяжным слабым, дрожащим голосом.

— Добыты еще новые улики, если будет угодно вашему величеству! — сказал Белый Кролик, вскакивая с большой поспешностью. — Только что поднят этот документ.

— Что написано в нем? — спросил Король.

— Я еще не прочитал его, — ответил Белый Кролик. — Но, кажется, это письмо, написанное подсудимым к... к кому-то.

— Так и должно быть, — сказал Король, — если только оно не написано ни к кому, что, знаете ли, случается не так часто.

— Кому оно адресовано? — спросил один из присяжных.

— Оно совсем без адреса, — ответил Белый Кролик. — Факт, что *снаружи* ничего не написано. — С этими словами он развернул рукопись и добавил: — В конце концов, это совсем не письмо, это стихи.

— Они написаны рукой подсудимого? — спросил другой присяжный.

— Нет, — ответил Белый Кролик, — и это самое подозрительное.

Присяжные растерянно переглянулись.

— Несомненно, он подделал чей-то чужой почерк, — сказал Король.

Лица присяжных снова просияли.

— Если будет угодно вашему величеству, — сказал Валет, — я не писал их, и обратного нельзя доказать: под ними нет подписи.

— То, что ты их не подписал, — возразил Король, — только ухудшает твое положение. У тебя *безусловно* был какой-то злой умысел, иначе бы ты подписался своим именем, как и подобает всякому честному человеку.

Тут раздался взрыв рукоплесканий. В самом деле, это была первая умная вещь, которую Король сказал за весь день.

— Конечно, это *доказывает* его вину, — произнесла Королева, — поэтому долой ему...

— Это не доказывает ничего подобного, — возразила Алиса. — Ведь вы даже не знаете содержания стихов!

— Прочти их! — приказал Король.

Белый Кролик надел очки.

— Откуда я должен начать, если будет угодно вашему величеству? — спросил он.

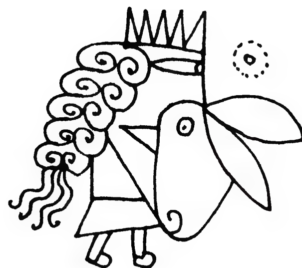
— Начинай сначала, — строго сказал Король, — и продолжай до тех пор, пока не дойдешь до конца: тогда и остановись!

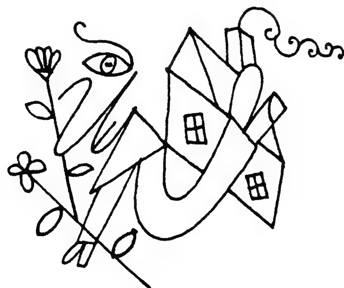
В зале суда царило мертвое молчание, в то время как Белый Кролик читал следующие стихи:

СКАЗАЛИ мне, что ты у ней,
Со мной он не был строг.
Я для нее был всех умней,
Но плавать я не мог.

Узнали вы, что весть верна,
И я спасен судьбой.
Но если поспешит она,
Что станется с тобой?

Я ей — один, они им — два,
А ты нам — даже три.
У нас недавно побывав,
Они твои — смотри!

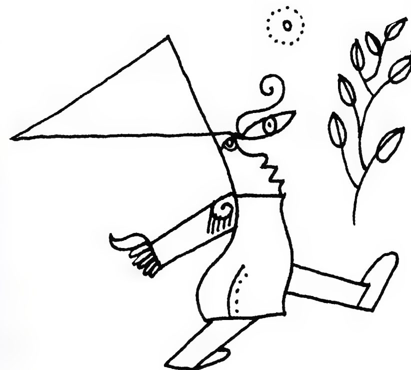
Она и я идем на риск:
Нельзя нам больше ждать, —
Ведь он, и ты, и мы клялись
Им вновь свободу дать.

Ее, конечно, оттого
Припадок поразил,
Что нас, и этих, и его
Ты вдруг разъединил.

Пусть он не знает, что она
Предпочитает тех,
И эта тайна не должна
Стать достояньем всех!

— Это наиболее важное из всех свидетельских показаний, которые до сих пор мы слышали, — сказал Король, потирая руки. — Итак, пусть присяжные...

— Если только кто-нибудь из них сможет объяснить прочитанное, — сказала Алиса (она настолько выросла за последние несколько минут, что ничуть не побоялась прервать Короля), — я дам тому шестипенсовик. Я *не* вижу в стихах ни крупицы смысла.

Присяжные записали на своих грифельных досках: «*Она* не видит в стихах ни крупицы смысла», но ни один из них не сделал попытки объяснить прочитанное.

— Если в стихах нет никакого смысла, — сказал Король, — это спасает всех нас от излишнего беспокойства, так как мы не будем вынуждены искать в них какого-нибудь смысла. И, однако... не знаю... — продолжал он, разглаживая рукопись у себя на колене и глядя на нее одним глазом, — мне кажется, что я все-таки вижу здесь некоторый смысл: *«Но плавать я не мог...»* Можешь ли ты плавать? — добавил он, обращаясь к Валету.

Валет печально покачал головой.

— Что-то не похоже! — возразил он.

(Этого он в самом деле не мог, так как целиком был сделан из картона.)

— До сих пор все в порядке, — сказал Король и начал бормотать про себя стихи: — *«Узнали вы, что весть верна»* — это присяжные, конечно... *«Но если поспешит она...* — это, без сомнения, должна быть Королева... — *Что станется с тобой?»*... Что станет с тобой в самом деле?.. *«Я ей — один, они им — два»*. Это, должно быть, то, что он, знаете ли, сделал с кексами...

— Но потом следует: *«У нас недавно побывав, они твои — смотри!»* — сказала Алиса.

— Ну, конечно, так и есть: вот они! — сказал Король, победоносно указывая на кексы, лежавшие на столе. — Ничто не может быть яснее

этого. Затем дальше... *«Ее, конечно, оттого припадок поразил...»* Я полагаю, что тебя никогда не поражал припадок, моя дорогая? — обратился он к Королеве.

— Никогда! — закричала разъяренная Королева и с этими словами швырнула чернильницей в Ящерицу. (Несчастный маленький Билль давно уже перестал писать пальцем на грифельной доске, так как заметил, что это не оставляет никаких следов. Но теперь он поспешно принялся за дело вновь, пользуясь чернилами, которые капали с его мордочки, и писал, пока хватило чернил.)

— В таком случае, пусть эти слова вас не *поражают*, — сказал Король, окидывая взглядом суд и улыбаясь.

В зале царило гробовое молчание.

— Это каламбур! — объяснил Король сердито, и тогда все засмеялись.

— Пусть присяжные обдумают свое решение, — сказал Король уже в двадцатый раз в течение дня.

— Нет-нет! — возразила Королева. — Сначала казнь, приговор — потом!

— Вздор! — громко сказала Алиса. — Что за бессмыслица — казнить до приговора!

— Придержи язык! — закричала Королева, побагровев.

— Не желаю! — ответила Алиса.

— Долой ей голову! — заорала Королева на самых высоких нотах своего голоса.

Никто не пошевелился.

См. стр. 260 и 278

— Что вы значите? — воскликнула Алиса (к этому времени она достигла своего полного роста). — Вы — всего лишь колода карт!

Внезапно целая колода карт взвилась в воздух и налетела на нее.

Про падение листьев см. стр. 305

Алиса слегка вскрикнула — наполовину от страха, наполовину от гнева. Она стала отбиваться от карт и вдруг увидела, что лежит на берегу, склонив голову на колени сестры, а та осторожно снимает сухие листья, которые, медленно кружась, падали на лицо Алисы.

— Алиса, милая, проснись! — сказала сестра. — Как же долго ты спала!

— О, я видела такой странный сон! — воскликнула Алиса и рассказала ей все, что могла вспомнить о тех чудесных приключениях, о которых вы сейчас прочитали.

Когда она кончила, сестра поцеловала Алису и сказала:

См. стр. 302

— Конечно, дорогая, это *был* удивительный сон! Теперь беги пить чай — ты опоздаешь!

Тут Алиса вскочила и побежала, размышляя по пути, какой в самом деле чудесный приснился ей сон.

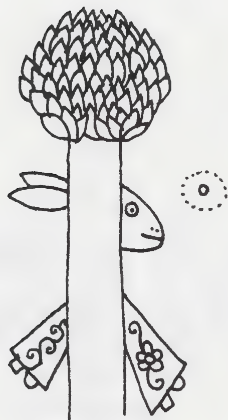
* * *

См. стр. 312

НО СТАРШАЯ сестра все еще сидела на том же месте, где ее покинула Алиса. Склонив голову на руку и глядя на заходящее солнце, она долго думала о маленькой Алисе и ее чудесных приключениях. И вот она начала мечтать в полусне, подобно Алисе.

Сначала в ее воображении возникла сама маленькая Алиса. Еще раз крохотные руки обняли

ее колени, и блестящие серьезные глаза младшей сестры заглянули в ее глаза. Ей чудились такие знакомые звуки Алисиного голоса. Как наяву, она видела это нетерпеливое, быстрое движение головой, чтобы отбросить назад волосы, которые постоянно *стремились* упасть на глаза Алисы. И пока она слышала ее голос, или ей казалось, что она слышит, — все кругом оживало волшебной

См. стр. 314

жизнью: одно за другим появлялись странные создания из сна ее маленькой сестры.

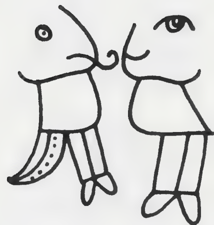
Высокая трава шелестела у ее ног, когда Белый Кролик спешил мимо... Испуганная мышь плескалась в воде, прокладывая свой путь через соседнее болотце... Она слышала звон чашек — это Мартовский Заяц и его Друзья продолжали свое бесконечное чаепитие, и резкий голос Королевы приказывал казнить ее несчастных гостей... Снова мла-денец-поросенок чихал на коленях Герцоги-

Про звуки см. стр. 270

ни, в то время как тарелки и блюда разлетались вокруг него в куски. Снова крик Грифона, пронзительный скрип грифеля Ящерицы-Билля, пыхтение «подавленных» морских свинок смешивались в воздухе с отдаленными рыданиями тоскующего Мок-Тартля — Фальшивой Черепахи...

Так она сидела с закрытыми глазами, почти веря, что находится в Стране Чудес, хотя знала, что, как только откроет глаза, снова все станет обычным... Это лишь ветер шелестит травой... Это, колышась, тростники морщат рябью болотце... Звон чашек — это звяканье овечьих колокольчиков... И пронзительные вопли Королевы — голос пастушонка... И чиханье младенца, и визг Грифона, и все остальные странные звуки вдруг превратятся (она знала это) в смутный шум занятого трудом фермерского двора, а тяжелые вздохи Мок-Тартля — в отдаленное мычание стада.

Игорь Еремеев

Несколько замечаний по поводу

«АЛИСЫ В СТРАНЕ ЧУДЕС»

В оформлении использованы фотографии и рисунки Льюиса Кэрролла

Спящей Красивой

Мой Кролик, мой самурай,
Беги навстречу Любимой.
А не получится – на развилке дорог
(развилка дорог – развилка желаний)
сделай себе харакири!

Подтекст

АЛИСА-ДУША путешествует под землей, где Король-Разум плох, тиски его ослабли, а правит Королева-Чувство, Страсть...

Здесь Чудесный сад — это Рай, куда стремится Душа, а суд — это Суд над ней.

Соответственно, маленькая дверь, ведущая из темного коридора в Чудесный Сад — это евангельские «тесные врата», куда так сложно пройти богатому. Сюда же относится и Озеро Слез.

Таким образом, «Алиса» имеет христианский подтекст.

АЛИСА-НИЩЕНКА
(1863 г.)

90

of her own little sister. So the boat wound slowly along, beneath the bright summer-day, with its merry crew and its music of voices and laughter, till it passed round one of the many turnings of the stream, and she saw it no more.

Then she thought, (in a dream within the dream, as it were,) how this same little Alice would, in the after-time, be herself a grown woman: and how she would keep, through her riper years, the simple and loving heart of her childhood: and how she would gather around her other little children, and make their eyes bright and eager with many a wonderful tale, perhaps even with these very adventures of the little Alice of long-ago: and how she would feel with all their simple sorrows, and find a pleasure in all their simple joys, remembering her own child-life, and the happy summer days.

Последняя страница рукописной книги «Приключения Алисы под Землей» (1864 г.)

Двери

ТАК КАК текст строится по логике сновидения, то двери в тексте — это двери из сна: они берутся из сна и вставляются в текст. И выполняют ту же функцию, что и в любом другом сне, а именно: войти во сне в дверь — значит «измениться». Иногда дверь заперта и нет к ней ключа, иногда ее сторожит Лягушка и т. д. — все это препятствия (отсрочка), чтобы не входить в дверь, то есть не изменяться. В этом смысле «съесть кусок гриба» — тоже «дверь».

«Технически» двери в тексте отделяют одну мизансцену от другой. Первая по счету в тексте «дверь» — кроличья нора.

Гусеница

СТРАНА ЧУДЕС — это «все, что не здесь» все, что противостоит Обыденности: Детство, Сон, Театр,..

Один из аспектов Страны Чудес — Восток.

Восток — это все, что не Запад.

(Для англичанина второй половины XIX века Восток — это, прежде всего, Индия, но также и загадочный Китай. О том, что тема Востока автору не была чужда, можно судить по таким строкам из «Сильвии и Бруно»: «Там на Востоке их зажжет Любовь!/ Кто Аватарой Вишну станет вновь?»)

Гусеница, курящая кальян, олицетворяет в тексте созерцательный Восток. Речь в сцене с Гусеницей идет о том, что мир — это сон, а также об иллюзорности «я» и перерождении.

Глава называется «Совет Гусеницы». Совет, собственно, заключается в том, чтобы изменять свой рост, экспериментируя с мухомором. Но главный совет, который дает Алисе Сэр Гусеница, достоин мудреца. Он звучит так:

«Успокойся!»

(К сожалению, Алиса не слушает Гусеницу и продолжает спрашивать).

К слову о восточных штучках — попадается в тексте и дзен-буддистский коан «Как выглядит пламя свечи после того, как свеча погасла?», к которому автор приходит логически.

КИТАЙЦЫ
(1863 г.)

Сновидения (это относится к любому сну, а не только к кошмару) скорее являются попыткой найти разрешение кажущегося парадокса. Сон — это произведение искусства, в котором два, по видимости несовместимых, стремления сопоставлены друг с другом. При кошмаре парадокс не интегрируется.

Фриц Перлз
«Практика гештальттерапии»

Розовый куст

РЕБЕНОК входит в сад и видит как карты-садовники перекрашивают белые розы в красный цвет.

Абсурдная сцена «территориально» находится в тексте (см. «Композиция») в начале второй, «карточной», части и является эпиграфом к ней.

О чем говорит этот розовый куст?

Белая и Красная розы — символы невинности и страсти. Поэтому розовый куст у входа в сад-Рай сигнализирует: «Здесь что-то не так!». Он является предупреждением Алисе и намекает на будущий суд.

Королева и Герцогиня

КОРОЛЕВА червей — это Страсть, ее цвет — красный. Герцогиня (безобразная старая дева) — это Мораль, она составляет оппозицию королеве и ее цвет — белый (неслучайно Белый Кролик, старый холостяк, служит герцогине). И королева, и герцогиня заинтересованы в Алисе и хотят, чтобы она приняла их сторону в «Войне Белой и Красной розы».

Поэтому розовый куст у входа в сад — значит «Выбирай!»

Выбор в нашем тексте является «пародией» на классический выбор между миром дольним и миром горним, аллегорически представляемыми двумя Дамами — Дамой в Красном и Дамой в Белом (так выглядят они, например, на картине Рафаэля «Сон рыцаря»). В данном случае обе стороны, каждая по-своему, неприятны.

Известно, что подобный выбор остро стоял и перед самим автором: принять сан священника, отказавшись от фотографирования (будучи одним из пионеров фотографии в Великобритании) и театра (будучи страстным театралом) или оставить все, как есть. Как известно, Кэрролл выбрал второе, то есть беззаботную жизнь холостяка.

(Понять каково живется женатому мужчине, можно взглянув на Короля Червей — это жизнь «полная тревог и забот».)

Оксфорд — Страна Чудес

МИР по Кэрроллу состоит из карт (это взрослые: они судят), маленьких девочек и чудаков-профессоров — Гусеница, Чеширский Кот, Шляпочник и другие. Последние в тексте экзаменуют Алису.

Таким образом, Страна Чудес построена по аналогии с Оксфордом и является его зеркальным отражением, в котором живет и сам Кэрролл — это дронт Додо (джсон), вымершая птица, косточки которой можно видеть в музее Оксфорда (отсюда английская поговорка: «dead as a dodo»).

Родилась Страна Чудес интуитивно, во сне, из столкновения «я» автора и «мира».

«Вы — всего лишь колода карт!»

КОЛОДА карт — сзади у них карточная «рубашка», указывающая на принадлежность к колоде, а спереди то, что определяет место карты в колоде — это социальный мир взрослых со своими школами (где учат Сквожению, Почитанию, Угождению и Давлению) и судами (для тех, кто плохо учился в школе). А известная фраза Алисы «Вы — всего лишь колода карт!» — это протест против «взрослого» мира и апелляция к другому суду!

Таким образом, в тексте содержится неприятие ценностей взрослого мира (страх мира). В следующей книге Кэрролла «Алиса в Зазеркалье» нет колоды карт и по большому счету нет конфликта.

«Взрослости» колоды карт и пессимизму философии (Чеширский Кот называет мир сумасшедшим домом, Гусеница и Грифон — иллюзией) Автор противопоставляет «взгляд ребенка с безоблачным челом», то есть наивную детскую веру.

Проповедь, незримо присутствующая в тексте — «Будьте как дети!»

БЕГСТВО ИЗ ДОМА
(1862 г.)

Мэри Анна

АЛИСЕ снится, что она Мэри Анна, служанка Белого Кролика. Господину снится, что он слуга! — это такая нелепая и страшная мысль, что под давлением внутренней цензуры она подается мягче — это Кролик принимает ее за свою служанку… А до этого Алиса представляла себя служанкой кошки Дины.

К слову, сам Автор дружил только с девочками своего круга, маленькими леди. Соответственно, все мысли и реакции Алисы в тексте — это мысли и реакции ребенка из хорошей семьи.

СКАЗОЧНЫЕ СЛУЖАНКИ
(1870-е годы)

Из сердцевины пиона
Медленно выползает пчела
О, с какой неохотой!

Мацуо Басё

I

ГЛАВА «Безумное чаепитие» — маленький шедевр со своей прелюдией (разговор Алисы с Чеширским Котом) и со своим финалом (великолепный кошмар, когда Соню засовывают в чайник) — может быть рассмотрена отдельно от целого (эта глава для целого, а не наоборот).

Находясь в самом центре текста, эта глава содержит в себе игровую модель всей «Алисы»: чашки — это дискретные остановки A, B, C.., одна из которых — само «Безумное чаепитие».

(Глав «Безумное чаепитие» и «Суд» не было в первом рукописном варианте «Алисы».)

Я не люблю три вещи: стихи поэта, почерк каллиграфа и угощение повара.

Рёкан

Хотя я думаю
Больше не думать об этом,
Я все же думаю об этом,
И мои рукава мокнут от слез,
Когда я думаю об этом.

Рёкан

В ЦЕЛОМ, тенденции «перевода» Нины Демуровой таковы: к читателю (воображаемая маленькая леди) переводчица обращается не на «вы», а на «ты», Алису называет «глупышкой» и «бедняжкой» (вместо «этот странный ребенок» и «бедная Алиса»), использует странные малоупотребительные слова («гренки», «шутиха», «верно, я падаю...»), вероятно призванные отнести действие в некоторое старинное время и т.п.

В результате получается нечто сентиментальное, многословное, вычурное и не очень интеллектуальное. Строй фразы автора безвозвратно потерян. Абзацы не соблюдены. Некоторые слова, выделенные курсивно автором, здесь не выделены вовсе.

Ясно, что принципиальная нестрогость открывает большие возможности переводчику для самовыражения: Алиса в «переводе» Нины Демуровой — существо страстное и цельное (она не надрала себя за уши, а отхлестала по щекам, она не обрезала случайно палец, а полоснула по нему ножом и т. д.). Меняется характер Алисы — она всегда права! (Так переводчица создает свой автопортрет?)

Что касается стихов-нонсенсов, то сюда помещены чужие «лучшие переводы» (для авторитет-

ности включены и те несколько стихотворений, которые когда-то давно перевел Самуил Маршак), что, конечно, не идет на пользу стилистической цельности текста в целом.

Наукообразные предисловие и комментарии к тексту призваны убедить читателя в превосходстве данной концепции перевода над другими. Между прочим, отвергаются различные, прежде всего психоаналитические, попытки анализа текста («каждый вычитывает в «Алисе» свое»).

Вскользь говорится кое-что и об авторе. А именно: что хотя Кэрролл и был математиком, но в Науке он ничего значительного не открыл, что его поздняя книга «Сильвия и Бруно» страдает «морализмом» и никуда не годится, между делом из того простого факта, что автор выступал под литературным псевдонимом и ревниво оберегал свою частную жизнь от посторонних взглядов создается миф о раздвоении личности автора на несчастного заику м-ра Доджсона и остроумного (поначалу) писателя Льюиса Кэрролла (на манер странной истории доктора Джекила и мистера Хайда). И т. д. и т. п.

Таким образом, имеем отождествление переводчицы с Алисой (точнее, полу-отождествление, полуудочерение) и неприязненное, очень личное, отношение к автору (под маской объективности и со ссылками на специалистов). Объединив то и другое, получим Образ: «Мать защищает дочь от маньяка». (А, может быть, от отца?) К слову, свой «перевод», дело всей жизни, она посвящает своему отцу...

Так переводчица попала в ловушку волшебного текста. Что, конечно, интересней чем стараться переводить строго.

Во всем этом не было бы ничего плохого (Тоже оттенок темы! Скажем: «Алиса» глазами червонной королевы), если бы не одно обстоятельство: именно этот «перевод» с большой вступительной статьей и обильными комментариями в 1978 году был напечатан в серии «Литературные памятники» и с тех пор считается классическим. В нашей стране это означает, что отныне он, и почти только он, будет тиражироваться. На его основе будут выпускаться пластинки, мультфильмы, радиопостановки. Цитаты из «Алисы» в книгах других авторов будут приводится также в этом «переводе». А нам с вами остается только все это читать, смотреть и слушать.

Несмотря на то, что сегодня ситуация немного изменилась, «классический перевод» печатается по инерции, как бы по умолчанию. Таким образом, до некритического читателя (который вообще не задумывается о переводе — ведь имя переводчика пишется мелким шрифтом) «Алиса» доходит в измененном до неузнаваемости виде.

Чтобы познакомиться с текстом по-русски сейчас есть, по крайней мере, два адекватных перевода — Александра Оленича-Гнененко, публикуемый в данной книге, и Александра Щербакова, который перевел также и «Зазеркалье».

По вопросам приобретения и сотрудничества обращайтесь по адресу:
Book-va@yandex.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 10.03.2015
Формат 70×90/32. Печать офсетная.
Бумага мелованная. Усл. печ. 10,625.
Тираж 500 экз. Заказ № 4175.

Оригинал-макет, верстка — Александр Зайцев

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7
Тел.: (812) 622-01-23

ISBN 544690547-4
9785446905478

Сказочная повесть Льюиса Кэрролла привдится в очень точном, даже буквальном, переводе Александра Оленича-Гнененко. Такой подход является альтернативой многочисленным «художественным» переводам (Н. Демуровой и пр.). Пиктографические рисунки и комментарии Игоря Еремеева подчеркивают игровой характер и математичность знакомой «Алисы».

